

Айтварас Наррентурм

**ЗВЕЗДА
БЕСКОНЕЧНОСТИ:
ОПЫТ ВИККАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ**

Айтварас Наррентурм

ЗВЕЗДА
БЕСКОНЕЧНОСТИ:

ОПЫТ
ВИККАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ
(рукопись)

2017

УДК 299
ББК 86.31
А11

Айтварас Наррентурм

**ЗВЕЗДА БЕСКОНЕЧНОСТИ: ОПЫТ ВИККАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ
(РУКОПИСЬ)**

М.: Клуб Касталия. 2017.— 116 с.

ISBN 978-5-519-60475-8

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	6
СИМВОЛ ВЕРЫ ВИККАНИНА	8
ЧАСТЬ I. ТЕОЛОГИЯ	9
Прембула	10
Глава I: ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМУ ЗВЕЗДЫ, А ТАКЖЕ О ЕДИНСТВЕННОМ ЕДИНОМ И О НАЧАЛЕ ДВИЖЕНИЯ	13
О системе звезды	13
О Едином	14
О движении к центру	15
Глава II: Единое в Двух, Двое во Множестве, или о Боге и Богине	17
О Божественной Паре.....	18
О Триединой Богине	20
О Деве	23
О Матери	24
О Старице.....	25
О Тёмной Матери.....	27
О Боге Жизни и Смерти	28
О Боге Жизни	31
О Боге Смерти	32
О Великом Драконе.....	33
Глава III: О богах многочисленных и их общей Божественности	34
Двое или множество	34
Все есть Всё	38
Он — бог	39

Он — молния	41
Он — я	43
Глава IV: О Вере истинной и великой, или о со-творении.	45
О Вере	46
Номос и Космос	47
Об Истинной Вере	49
Глава V: О магии, как искусстве делать правду.	51
Магия как со-творение.....	53
Ритуал как искусство, магия как правда	54
Глава VI: О вращении Колеса, или о Вечности.	57
«Мы Круг внутри Круга»	57
О сути вращения	69
О спицах Колеса	61
Глава VII: Свобода, Любовь и Мудрость, или к вопросу о викканской этике.....	65
О советах и советчиках	65
О Свободе	68
О Любви.....	69
О Мудрости.....	70
Глава VIII: О наименьшем из наименьших в величайшем из величайших, или о викканской антропологии.....	73
Ещё раз о движении к Центру	73
Один в четырех.....	75
О смертном и бессмертном.....	78
ЧАСТЬ II. ГИМНОГРАФИЯ	81
Прембула	82
I. О Едином	84
II. О Богине и Боге	85
III. О богах.....	88
IV. О Вере	89
V. О магии	90
VI. О Великом Колесе.....	91
VII. О Свободе, Любви и Мудрости	102
VIII. О смертном человеке.....	103

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга, которую Вы держите в руках — уникальна. Ее появление — удивительно, хотя потребность в подобном сочинении назревала давно.

Темы этой книги могут на первый взгляд показаться чем-то отвлеченным и абстрактным, тогда как в ней речь идет лишь о том, что автор узнал на собственном опыте духовной жизни.

Духовный путь, о котором говорится здесь, пока еще мало известен людям, читающим по-русски — возможно, кто-то впервые узнает из этой книги о религии викка и о том, как виккане стремятся осмыслить свою веру и свою религиозную практику.

Автор книги, Айтварас Наррентурм — викканский жрец, служитель Богов. Что это значит в современном мире? В первую очередь — что человеческий дух, как и в минувшие эпохи, ищет ответ на базовые вопросы своего бытия: кто я? куда иду? с Кем? — и, не довольствуясь интеллектуальным познанием стремится к подлинной, воплощенной в своей жизни мудрости. Древние знания и древние силы, которые современный мир забыл или делает вид, что забыл, снова — уже в который раз — заявляют о себе, увлекая людей двадцать первого века в дорогу к самим себе. Эта дорога, на которой парадоксально переплетаются воспоминания о прошлом культуры, попытки сориентироваться в настоящем повседневности и познать вечно данное человеческой внутренней реальности, описывается автором в восьми богословских этюдах. Структура книги отсылает к восьми точкам

викканского Колеса Года — восьми мистическим этапам развития мира, и всего, что в нем есть, которые современные язычники символически проходят в собственной жизни каждый год, наблюдая в смене сезонов гармонию или хаос вечного становления нашей вселенной.

В этой книге, в отличие от множества сочинений викканской литературы, не дается инструкций «как быть викканином». Это не сборник ритуалов, не изложение вероучения, не учебник по магии. При этом, я думаю, что это одна из наиболее викканских книг, которые мне доводилось читать. Это результат индивидуальной викканской жизни, осмысление пройденного отрезка духовного пути — бесконечного и безначального, как Колесо, влекущее всех нас в неведомое. Неведомое — но прекрасное, говорит автор — и переживание Красоты и Любви — тех единственных, очевиднейших и непостижимейших тайн, творящих самое наше существование, наверное, главная тема этой книги.

Викка — не догматическая религия, в ней не может быть единой, обязательной для всех верующих религиозной картины мира. Однако именно поэтому опыт индивидуальной теологии так важен для нас — он убеждает нас, в том, что мы не одиноки в наших исканиях, что другие люди сталкиваются с теми же вопросами и преградами — и успешно решают их, или указывают нам направления нашей собственной духовной работы. Книга Айтвараса Наррентурма — первый подобный опыт, изложенный русским языком — притом изложенный с простотой, искренностью и истинным богословским талантом. «Система Звезды» Айтвараса — не учение, которое предлагается «к принятию»; это богословская поэма, которая приглашает читателя, вне зависимости от убеждений, к диалогу и размышлению.

Гарсиа

СИМВОЛ ВЕРЫ ВИККАНИНА

Я — викканин, и я свободен. Никто не обязан верить так, как я, не исключая моих братьев и сестер. Никто не может сказать мне, как верить. Я говорю за себя:

1. Я верю в Единую невыразимую Божественность, что есть начало и конец в отсутствии начала и конца, единосущную всему и пребывающую во всем.
2. Я верю в Бога и Богиню, что есть высшие проявления Божественности из доступных разуму.
3. Я верю в сонм богов, богинь и духов, что в равной степени есть лики Божественности, лики Вселенной и лики людей.
4. Я верю в Веру, что есть творческая и движущая сила Божественности.
5. Я верю в Магию как в конкретное проявление Веры.
6. Я верю в Круг-Колесо как форму движения Вселенной и духа в ней.
7. Я верю в Любовь, Свободу и Мудрость как единственные ценности жизни.
8. И я верю в себя как единосущного всему, во что я верю.

ЧАСТЬ I

ТЕОЛОГИЯ

ПРЕАМБУЛА

Подзаголовок этой книги гласит: «Опыт викканской теологии». И я полагаю, раз уж кто-то открыл эту книгу, значение каждого из названных в подзаголовке слов ему знакомо. Однако я все же считаю верным дать некоторый комментарий о смысле, который я сам вкладываю в этот пассаж, на случай, если мое видение разойдется с видением читателя.

Начну, пожалуй, с конца. Что такое «теология»? В буквальном переводе с греческого это значит «слово о боге» или, иначе, «богословие». В широком смысле, теология есть систематическое изложение некоего религиозного учения, его догматов и принципов. В современном мире, да и не только современном, отсчет, вероятно, следует вести с XIII века, это слово ассоциируется в основном с христианством, и все известные нам богословы — христианские богословы. Но сам этот термин, конечно же, возник гораздо раньше XIII века, и даже раньше, чем само христианство. Так, например, в представлении древних греков, «теолог» — поэт, передающий людям сведения о богах. Этим словом называли Орфея, Гомера и Гесиода. Античные же философы видели теологию разновидностью философии, предмет которой — учение о божественном.

Мой подход к теологии в данной книге, вероятно, будет близок к античному. Я не стану здесь толковать какие-то священные тексты — ведь в викке и нет никаких священных текстов. Я просто максимально образно (хоть я и не поэт как Орфей или Гомер, это не значит, что язык метафор

мне чужд), но вместе с тем максимально последовательно попытаюсь изложить те сведения о различных проявлениях Божественного, которыми сам обладаю. О том, откуда я эти сведения получил, речь пойдет ниже.

Далее, следует сказать о слове «викка». Даже если паче чаяния, кто-то и не знает, что это такое, современному человеку это крайне легко выяснить: в конце концов, есть даже статья на «Википедии» с таким заголовком. Я же не стану сейчас распространяться об истории возникновения этого явления, особенностях его распространения и прочем, но поясню кратко: викка — новое религиозное движение неязыческого толка, уходящее корнями, с одной стороны в дохристианские верования народов Европы и Ближнего Востока, с другой — в европейскую эзотерическую традицию.

На сегодняшний день существует великое множество разновидностей, традиций, направлений и ветвей этого движения. Не существует каких-то общих для всех виккан догм, и посему, каждый из авторов, когда-либо писавших об учении викки, рисовал перед читателем нечто уникальное и своеобразное. Более того, вполне можно сказать, что у каждого верующего викканина — своя собственная викка. Всех их, конечно же, объединяют некие общие образы и представления, но свобода интерпретации этих образов всегда остается за конкретным человеком.

Со своей стороны, я в этой книге пытался опираться как раз на эти общие, или, правильно будет сказать, наиболее распространенные образы. Но вместе с тем, конечно же, я, как и любой другой викканский автор, и даже просто любой другой викканин, делал это в своей интерпретации. Учение викки, которое я даю в это книге, это, без сомнений, только «моя» викка. Возможно, найдется изрядное количество моих единоверцев, несогласных с каким-то (а может, даже и со всеми) из озвученных мною положений. Что ж, это их право. Но в то же время мое право — не взирая ни на что продолжать считать «свою викку» — виккой, и основывать

свою теологическую систему на своих собственных представлениях об этом учении.

И наконец, слово «опыт». Так распорядились Боги, что уже довольно продолжительное время я исполняю обязанности викканского жреца. Я служу Богине и Богу отправляя ритуалы в их честь, и в тоже время я служу людям — своим братьям и сестрам по вере — создавая священное пространство, где каждый из них имел бы возможность прикоснуться к Божественному. За годы этой службы мне довелось общаться со множеством виккан самых разных взглядов и убеждений. У каждого из них я чему-то учился. Я провел множество церемоний, как и тех, тексты и сценарий которых были написаны до меня, так и написанных собственноручно. После каждой такой церемонии я получал некий новый опыт. И, разумеется, множество раз я взывал к Богам, как в ходе общего священнодействия на групповом ритуале, так и в одиночестве, в своей душе. И каждый раз я получал какой-то ответ.

Эта книга, в некотором роде попытка суммировать весь тот опыт, что я получил — от людей ли, или от Богов. Я написал свой «символ веры» — небольшой текст, в котором излагаю основные моменты исповедуемого мною учения. Он состоит из восьми пунктов, каждый из которых касается того или иного аспекта Божественного. И в первой части этой книги, что озаглавлена «Теология», я постарался дать развернутый комментарий к каждому из этих пунктов. Начал я с наибольшего — Единого Божественного Абсолюта, предельной категории викканской теологии, а закончил наименьшим — самим собой, живым человеком из плоти и крови.

И когда вы проделаете весь этот путь от наибольшего к наименьшему, а затем увидите, что путь этот смыкается кольцом, перед вашими глазами, быть может, возникнет строгая система викканской теологии в том виде, какой ее вижу я.

ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМУ ЗВЕЗДЫ, А ТАКЖЕ О ЕДИНСТВЕННОМ ЕДИНОМ И О НАЧАЛЕ ДВИЖЕНИЯ

1. Я верю в Единую невыразимую Божественность, что есть начало и конец в отсутствии начала и конца, единосущную всему и пребывающую во всём.

О СИСТЕМЕ ЗВЕЗДЫ

Прежде всего, необходимо подобрать верное слово. Современная космологическая система учит нас: то, что мы называем «Вселенной», имеет начало во времени (вернее — само время имеет начало) и конец в пространстве (точнее — само пространство где-то заканчивается). Этого недостаточно, поэтому слово «Вселенная» нам не подходит. Вместо него я буду говорить просто «Всё»: всё что есть, всё, чего нет, всё, что было до Большого Взрыва, даже если там ничего не было, ибо поименованное «ничего» — уже что-то, и всё, что за пределами пространства и времени.

Так вот, это ВСЁ представляется мне в виде звезды. Не пентаграммы, нет, и даже не гексаграммы — символа Макрокосма принятого в оккультизме. В виде звезды с бесконечным множеством лучей. Нарисовать такую невозможно, поэтому в качестве визуального образа представьте себе звезду с тринадцатью лучами — в честь тринадцати полнолуний в календарном году, и в честь того темного мистического ареола, что окружает это число в культуре.

Но необходимо помнить, что на самом деле их не тринадцать, а бесконечное множество.

Эта звезда — Всё. Просто Всё, то, про что мы можем сказать «есть», «существует» и даже больше, то, про что мы ничего не можем сказать. Всё материальное и духовное, энергия, время и пространство, физическое и метафизическое. Всё, что было есть и будет. Словом, просто Всё.

На острие каждого луча находится личность человека. Живущего, жившего, или того, который только будет жить — каждого, ведь лучей бесконечное множество. То, что мы сами полагаем в качестве себя, то, что осознаем как «Я» и отделяем от всего остального («не-Я») располагается на самой крайней точке луча. Но о крайних точках звезды я буду говорить позднее. Сейчас необходимо взглянуть на ее центр.

О Едином

В центре находится Абсолют, Единственный — Единственное, Невыразимое Божественное, то, больше которого ничего нельзя помыслить, предел и источник всякого бытия. Прочитай этот текст представитель какой-нибудь монотеистической религии, скажем, одной из авраамических, он сказал бы, что в центре — Бог. Но я думаю, он ошибся бы. Там То, что превосходит слово «Бог» и любое другое определение, То, что нельзя назвать ни Господом, ни тем более каким-нибудь именем, ибо ни в одном языке мира нет для Него подходящего слова. И я, назвавший Его Божеством и Абсолютом — ошибаюсь, ведь говоря о Нем, не ошибиться невозможно. Можно сказать, что Оно — Непостижимо, но и это будет ложью, Оно непостижимей непостижимости, темнее тьмы и светлее света, больше величайшего и меньше наименьшего, абсолютней абсолюта и пустее пустоты. Оно — предел в отсутствии предела и начало без начала. Оно — Парадокс Парадоксов.

Так как Оно выше всякого существования, я стараюсь избегать говорить о Нем, используя имена существительные, и не хочу называть Его божеством, божественным началом, или тем более — богом. Оно — Божественное,

Оно — Божественность как таковая, суть всякого духа, То, что делает душу — душой, а бога — богом. Тем более глупо и наивно пытаться интерпретировать его в качестве Творца или Демиурга: Оно есть и Творец, и Творение, и акт творчества, и сама идея творения — всё это слито в Нем в нечто единое и неотличное. И вместе с тем, Оно же — причина существования сотворенного и источник его гибели. Оно Творец, Вседержитель и Разрушитель, и Оно же — Творчество, Существование и Разрушение.

Невозможно сказать, личность ли Оно, или нет. И да, и нет, Оно — сверхличность, Личность Личностей, и в то же самое время, конечно же Оно — безлично. Оно не благо, и не порочно, но вся благодать и все пороки — в Нем. Вопрос о Его трансцендентности или имманентности также останется без ответа: Оно единосущно Всему и пребывает во Всём, но не сводится к миру, а мир не сводится к Нему. Пожалуй, лучше всего бы здесь подошло слово «панентеизм», если бы не его второй корень — «теос»: как я уже сказал, Оно — не бог, и даже не Бог, Оно — больше.

В викике, когда пытаются говорить о Нем, могут сказать: Драйтон — «Dryghtyn», «Творец». Я полагаю, в данном случае это слово так же неуместно, как и «Бог», или, например, «Всевышний». Поэтому я предпочитаю звать Его «Единое», хотя, конечно, и это слово ничуть не более уместно. Но всё же я не могу не говорить о Нём, и потому мне приходится использовать такую описательную характеристику, своего рода эвфемизм, хотя я и понимаю, что это тоже неверно. Однако коль скоро я — викиканин, можно сказать, что всё написанное мной выше — мое понимание викиканского Драйтона.

О ДВИЖЕНИИ К ЦЕНТРУ

Будучи воплощенным человеком из плоти и крови, живущим одну из своих человеческих жизней, Единое никак невозможно помыслить, ибо наш мозг просто не в состоянии вместить в себя нечто настолько беспредельное. Молится

Ему тоже бессмысленно, ведь каждый раз обращаясь к Нему, мы полагаем Его в виде чего-то конкретного, способного услышать нашу молитву, способного быть нам собеседником и адресатом наших молитв — тогда как Оно больше любой конкретики, больше любого образа. Молитва Ему — это уже приуменьшение Его.

Однако то, что это бессмысленно, вовсе не означает, что этого делать не стоит. То, что мы ничего не можем о Нем сказать, не значит, что о Нем не надо говорить. Ведь если всякое слово о Нем — ложь, точно так же можно сказать, что всякое слово — правда.

С этим парадоксом придется смириться, ибо Единое есть Парадокс Парадоксов, как уже было сказано. Не в силах никогда достигнуть Его, мы все же вечно к Нему стремимся, ибо идти имеет смысл только по тому пути, у которого нет конца.

Именно поэтому каждый ритуал я начинаю с молитвы Ему:

Именем Единого, Древнего Проведения,
Сущего от начала, и пребывающего вовеки,
Источника всех вещей:
Всеведающего, всепроникающего, неизменного, вечного!

Я не прошу ничего у Него в этой молитве, я никак не пытаюсь с Ним взаимодействовать, ибо знаю, что в этом нет смысла, и если я попробую — это будет уже не Оно. И хотя я говорю «именем», я не называю Его по имени, ибо если бы и было имя, достойное Его, мне пришлось бы произносить его вечно. Нет, этими словами я просто обозначаю свое устремление к Нему, хотя и знаю, что никогда Его не достигну.

С этих слов начинается мое движение: с самой крайней точки луча звезды — к ее центру.

ЕДИНОЕ В ДВУХ, ДВОЕ ВО МНОЖЕСТВЕ, или о БОГЕ и БОГИНЕ

2. Я верю в Бога и Богиню,
что есть высшие проявления Божественности
из доступных разуму.

Постулировав парадоксальность Единого Божественного в предыдущем тексте, мы уже никогда не сможем избавиться от этого парадокса. Вся последующая система, выводимая из центра звезды, будет пронизана им, об аристотелевском «законе исключения третьего» придется забыть: всё горячее будет также и холодным, все белое — ещё и черным. Попытка говорить о таких вещах на языке, устроенном по принципам формальной логики — а другого языка у нас нет — конечно же, будет обречена на провал, и не сможет избежать известной доли поверхностности, и даже, отчасти, пародийности. Между моим текстом и теми вещами, о которых я пишу — бездна, сравнимая с разницей между пластмассовой фигуркой оленя (к тому же, выполненной в «мультишном» стиле), и живым оленем. Что ж, мне остается только надеяться на принцип симпатической магии, согласно которому «модель связана с оригиналом».

Итак, в неизбывной дерзости своей, той дерзости, что, в числе прочего, и делает нас людьми, презрев всю присущую нам ограниченность и конечность, мы устремляемся к Единому, взалкав увидеть и коснуться чего-то столь безмерного. Пока мы живы, сделать это нам не удастся. Но что же мы все-таки увидим, и чего сможем коснуться?

О БОЖЕСТВЕННОЙ ПАРЕ

Где-то очень близко к центру звезды, но не в самом центре, мы увидим двоих: Бога и Богиню, Божественную Пару.

В этом — честность вики: никогда вся полнота божественного величия не сможет сосредоточиться в одном существе, но лишь двое — мужчина и женщина — способны вместить его. Он и Она, Отец и Мать в союзе своем могут явить нашему взору нечто настолько близкое к Единому Божественному, насколько мы вообще способны Его воспринять. Он и Она вместе — есть Оно.

Бог и Богиня — это первое «Я есть» Единого. Заявляя миру «Я есть Я», нечто выделяет себя из неразрывного Всего и отделяет от остального. Когда «Я есть» произносит Божественное, Оно становится Богом, а все, что «Есть не Я» — Богиней. И наоборот — Его «Я есть» Богиня, а всё, что «не Я» — Бог. Именно поэтому без Богини не может быть Бога, а без Бога — Богини: любое «Я» предполагает «не Я», иначе в нем нет смысла. Но коль скоро мы говорим о «Я» Божественного нужно понимать, что в данном случае наиболее точной формулой будет: «Я и Я есть Я». Возможно, это уточнение покажется кому-то непонятным, но тут мы упираемся в тот предел, после которого на живом человеческом языке описывать явление уже невозможно, поэтому я просто ограничусь постулатом, не вдаваясь в отвлеченные комментарии и объяснения: они только затруднят понимание.

Бог и Богиня есть Божественное.

Бог и Богиня во всем противоположны друг другу: каждый из них являет в себе одну составляющую фундаментальных бинарных оппозиций: «мужское — женское», «светлое — темное», «верх — низ», «право — лево», «холодное — горячее», etc. Но при том, какой именно компонент пары будет заключать в себе Бог, а какой Богиня — зависит от их модусов: и тот, и другая, в разные моменты может быть и горячим, и холодным, и светлым, и темным, и даже и мужчиной, и женщиной. Следовательно, хотя они и во всем

противоположны, в то же время они во всем схожи и неотличны друг от друга.

Традиционно образы викканских Бога и Богини связывают с солнцем и луной, но, конечно, было бы безмерно наивно ограничивать столь великие сущности конкретными небесными телами. Мне представляется, что солнце и луна для Бога и Богини — нечто вроде грандиозных икон, космических природных идолов, проекция их метафизических образов в физическую реальность. Однако не стоит забывать, что по уже упомянутым симпатическим принципам, в духе заявленной парадоксальности, идол тождественен богу, а значит, Бог есть Солнце, а Богиня есть Луна.

Также в викке Бога и Богиню обычно понимают как богов природы, однако я думаю, что «природу» здесь стоит понимать максимально широко: вся вселенная есть природа в какой-то степени. Он и Она боги растений и животных в той же степени, в какой Они — боги звезд и чёрных дыр. Они боги урожая, и также — электромагнитного взаимодействия, покровители охоты и собирательства, и — квантовой физики.

Часто Их союз представляют в виде супружеской пары, и это правда: Они в самом деле Муж и Жена. Но в то же время, подобно Аполлону и Артемиде Они — близнецы, брат и сестра. На Йоль мы говорим, что Богиня рождает Бога, и они становятся Матерью и Сыном. Но, хоть это и не отражено в нашей культовой практике, мне кажется, что как Зевс и Персефона Они могут быть и Отцом и Дочерью. В общем, между ними одновременно существуют все родственные связи, которые могут быть между мужчиной и женщиной. Все это вносит определенную запутанность в попытки упрощенной интерпретации Их Пары (и компонент инцестуозности, в котором нас иногда упрекают наши оппоненты), но тут обязательно нужно помнить: мы говорим о Богах величайших из доступных разуму, поэтому к Ним нельзя применить какую-то одну модель привычную нам и нашей жизни. Для простоты мы можем прибегнуть к концепции модусов

и ипостасей: в неких своих ипостасях Они — супруги, в других — Мать и Сын, и так далее.

Бог и Богиня есть Любовь. Будучи и противоположны, и тождественны друг другу, Они не могут друг без друга. Связь между Ними, Их бесконечное взаимное притяжение — эта та первая сила, из которой рождается вселенная. Миг Их соединения — соития — первая вспышка, Большой Взрыв. Именно поэтому в викке сексуальный акт — священен: подобно уже не раз упомянутому симпатическому тождеству модели и оригинала, любая сексуальная связь, совершенная по взаимному волеизъявлению и взаимному притяжению — есть повторение и новое проявление того космического Слияния, что привело к рождению Всего, и каждую секунду приводит вновь. Акт Любви, взаимного поглощения и объединения Двух в Одно — величайший ритуал, из доступных нашей практике.

И подобно тому как следствием традиционного сексуального акта является рождение ребенка, так следствием Их великой связи является Всё, и мы в том числе. Поэтому мы называем Их нашими Отцом и Матерью.

Как уже было сказано, Бог и Богиня вместе — наиболее полное отражение Единого Божественного в нашем восприятии. На нашем пути от острия луча звезды — к ее центру, Они как два огромных маяка, стоящих возле точки назначения, освещают (и освящают) наш путь. Не будь Их — наше движение стало бы невозможно.

Но Они есть, и не может быть так, чтобы Их не было, иначе не было бы ничего. Именами Бога и Богини, Их бесконечной любовью, милостью и мудростью, мы продолжаем путь.

О ТРИЕДИНОЙ БОГИНЕ

Люди всегда знали Богиню. Я не хочу говорить «поклонялись» или «почитали»: современные формы религиозного поклонения возникли не сразу, Богиня — старше них. Современному человеку, коим, без сомнения, являюсь и я, и вы,

крайне трудно представить, как именно наши далекие предки выстраивали свое общение с сакральным вообще, и женской компонентой священного в частности. Но одно утверждать можно совершенно точно — они о Ней знали.

Знали, и никогда не забывали. И хотя мы часто обвиняем представителей так называемых «авраамических религий» в том, что они отринули Богиню ради одного Бога, это не совсем так. Средневековые марианские культы в Европе и софийская «ересь» на востоке прямо указывают, что на деле Богиня никогда не покидала человеческих душ, а души — не покидали Её. Пожалуй, лишь только один небезызвестный арабийский пророк вознамерился вовсе «очистить» священное от женственности, но даже он в какой-то момент одумался, и ввел в свою ещё не написанную тогда книгу Божественных Жен. Жаль, что впоследствии он малодушно отказался от своих же слов.

Так кто же Она, Та, о которой невозможно забыть? Та, что древнее всех, но вечно юна и полна жизни? Та, с которой все начинается, и которой все заканчивается?

Она Богиня, Вечная Женственность, Мать Мира — Мать всех людей и богов, и их смерть. Та, что вращает Колесо. Вечная Дева, Жена и Старуха, Свобода, Любовь и Мудрость, Глубина Глубин и Тайна Тайн. Тысячи поэтов слагали оды в честь Нее, не зная, что хвалебные песни достойные Ее — лишь крик новорожденного младенца, стон страсти и — последний вздох умирающего. Тысячи художников и иконописцев пытались явить миру ее невыразимую красоту, забыв, что только несотворенная прелесть звездного неба, несжатого поля и бушующего моря могут хотя бы примерно служить отражением Её подавляющего величия. Безумием с моей стороны было бы пытаться добавить хоть что-то к уже сказанному о Ней. Ну что же, я не боюсь прослыть безумцем.

Как уже было сказано ранее, в викке Богиню обычно связывают с луной. Луна — это как бы живой символ, еженощное знамение, являющееся нам, дабы мы еженощно вспоминали о Ней. Подобно трем основным фазам луны — растущей,

полной и убывающей — мы различаем в Богине три последовательных модуса, или три фундаментальных ипостаси — Дева, Мать и Старуха. Но есть также и четвертая фаза, и четвертый модус — Богиня Новолуния, Тёмная Мать. Подобно той фее из сказки, которую забыли пригласить на крестины, о Темной Богине часто стараются забыть и не поминать Её лишний раз. Чем это закончилось для героев сказки, мы все прекрасно знаем. Никому не следует повторять этой ошибки.

Также мы отождествляем Богиню с землей и водой, в том смысле, что из земли и воды выходит все живое, и в них же возвращается. С определенной долей условности, можно сказать, что плодородная почва и питающая влага — сакральное тело Богини, Её священная плоть. Но тут не стоит сводить понимание Её порождающего Лона исключительно к привычной для нас планете Земля. В конце концов, та древняя неназванная Звезда, в недрах которой возникли все образующие нас и нашу планету вещества, и которая в грандиозном пароксизме родовых мук взорвалась когда-то, и тем самым позволила возникнуть нашей планетарной системе — также была плотью Богини.

Если немного отвлечься от материальных метафор и отождествлений и попытаться перейти на уровень более «духовный», «метафизический», то я понимаю Богиню также как Источник Судьбы. Её волей вращается то вселенское Колесо, в виде которого в викике представляют время, как время вселенной вообще, так и время локальной человеческой жизни. Смена сезонов, смена состояний и качеств, и возвращение их на круги своя по истечении положенного срока есть отражение смены Ее модусов. Богиня — та Вселенская Жрица, что вечно свершает Ритуал Времени, будучи и частью этого ритуала, но пребывая также и вовне.

Кроме того, рассуждая о нашей Богине, следует знать, что Она есть Врата. Через Нее все приходит в мир, и через Нее же и уходит, чтобы прийти вновь. Она есть акт перехода из одного состояния в другое, Она Та, кто воплощает и развоплощает. Любое перемещение между мирами, между

уровнями реальности, между пластами бытия происходит через Нее. Не «с Ее помощью», а буквально через Нее. В этом аспекте — Она сама возможность перемещения, способность возвысится и средство низойти. Неслучайно, в народном христианстве Богородица даже имела возможность «доставать» души грешников из ада: здесь, мне кажется, отражается то самое ощущение человеком Богини как Перехода.

Поскольку я когда-то принял викку в качестве своей веры, я склонен соглашаться с викканской трактовкой Богини в Ее трёх (и еще одном) ликах — Девы, Матери и Старухи (и их общей Тени): это понимание кажется мне верным, глубоким и мудрым. Поэтому сейчас я также не могу не остановиться на каждом из ликов подробнее, без этого мое повествование будет не полно. Итак, Триединная Богиня является нам в следующих образах: Дева, Мать и Старица, а так же Тёмная Мать.

О ДЕВЕ

Богиню-Деву я понимаю главным образом как Свободу. Слово «Дева» не стоит понимать в этом контексте как физическую девственность. В первую очередь Дева — это незамужняя женщина, то есть женщина, свободная от всяческих ограничений, обязанностей и норм, не связанная клятвами и чьими-то ожиданиями, принадлежащая только себе и никому более. Богиня-Дева простоволоса и боса, Она — стремительный вихрь, неудержимое движение ради движения. Она азартная охотница и экстатическая танцовщица: обычно виккане связывают Деву с образом греческой Артемиды, но мне она представляется также и Саломеей, той, которая силой своего невыразимого танца стала Царицей над царем, обретя Власть над властью.

Богиня-Дева также есть нерастраченный потенциал, начало пути. Она есть Невинность в смысле непроявленности, Она возможность стать кем угодно, но не сейчас. Она — Принцесса, которая обречена стать Королевой, но пока наслаждается лишь своим потенциалом. В некотором смысле,

Она — ожидание праздника, не менее приятное и томное, чем может оказаться сам праздник.

Обладая всеми этими качествами, Она также Сокрытое Сокровище, Желанный Приз. Вся та свобода, коей Она владеет, никого не может оставить равнодушным, испить из этого бурного и пенного ключа, «Фонтана Молодости» — всеобщее желание. Она Дева-в-Башне, ради которой Герой бросает вызов Змею, и, в определенном смысле, Она властвует и над Героем, и над Змеем.

Ритуальным атрибутом Богини-Девы я считаю колокольчик или бубенец: подобный колокольцам на браслетах Танцовщицы или бубенцам на узде у коня Охотницы, это тот инструмент, со звона которого начинается новое ритуальное действие, новое движение и новый путь, и ожидание грядущего праздника.

О МАТЕРИ

Наверно, к образу Богини-Матери виккане, да и не только они, обращаются чаще всего. В этом нет ничего удивительного, ведь именно в данной ипостаси Триединой Богини все Её качества, наиболее важные для человека, проявляются полнее всего. Богиня-Мать есть Предел, Реализация, Экзальтация. Она — осуществленный Смысл, выполненная Миссия.

Она — Всеобщая Мать, породившая Всё, и потому Ее невозможно не любить, как невозможно не любить свою собственную мать, пусть даже эта любовь порой принимает самые странные и неупознаваемые формы.

Поэтому Богиня-мать есть Любовь. Любовь Матери к Чаду и Чада к Матери есть нечто неизменное, постоянное и неизбывное. Кто-то полагает даже, что эта Любовь — источник любой другой любви в жизни человека, хотя я и не берусь судить, так ли это на самом деле. Но, так или иначе, и все другие виды Любви также присущи Матери — именно любовью к своему божественному Супругу Она в некий

момент и стала Матерью, и теперь позволяет нам также обрести себя через Нее.

Богиня-Мать также есть Царица и Хозяйка мира. Она Та, ради которой «всё и затевалось»: источник смысла, достигну́тый предел возможного. Нельзя представить себе что-то более важное, чем Она. Мать есть Богиня плодородия, но «плодородие» не стоит сводить здесь только к «чадородию», то есть рождению детей. Рождение — создание, воплощение — всего, что угодно, будь то песня, предмет обихода или идея — от Неё. И я, пишущий сейчас этот текст, «рождаю» его исключительно именем, силой и властью Богини-Матери. Она — Богиня Явления и Проявления, Богиня Актуализации. Всем, чего мы можем коснуться и с чем можем как-то взаимодействовать мы обязаны Ей.

Из всех Божественных образов Богиня-Мать ближе всего к миру материального, миру воплощений. Именно поэтому из трёх ликов Богини Мать проще всего увидеть, к ней проще обратиться. Возможно, Она первый образ Божественного, с которым когда-то на заре истории смог соприкоснуться человек.

Ритуальными атрибутами и символами Богини-Матери являются чаша, котел и рог-Корнукопия. Нетрудно увидеть в этих символах визуальное сходство с Порождающим Лоном и Чревом, но не стоит излишне концентрировать внимание только на этом внешнем подобии. Чаша — тот предмет, через которой мы приобщаемся к Божественному в виде его зримого воплощения — ритуального вина-крови. Через Чашу Божественное как бы спускается к нам, переходит из абстрактного, незримого и неосязаемого — к видимому, вещественному и проявленному. Возможность этого перехода — дар Богини-Матери всем нам.

О СТАРИЦЕ

Богиня-Старица, Старуха или Карга — третий лик Троицей Богини. Она — Богиня финала. Если Мать — врата ведущие сюда, то старица — путь отсюда. Если Дева — начало пути, то Карга — его завершение.

Прошедшая весь путь от начала до конца — Она есть воплощение Мудрости, ибо нет уже ничего, чего бы Она ни знала и нет ничего, чего бы Она ни испытала. И последняя Тайна — Тайна Той Стороны — также известна Ей. И всеми своими тайнами Старица милостиво делится со всеми, кто также пытается понять их — и Её, ведь и Она сама — Тайна.

Богиня-Старуха есть увядание и смерть, призванные подготовить место для новой жизни. Как «старуха с косою» Она приходи к каждому в самом конце, и только Ей ведомо, когда этот самый конец настает. Но не стоит пугаться такой перспективы, не стоит страшиться Её прихода: ведь Она ничего не уничтожает полностью, но лишь меняет качество и состояние.

То, что Смерть — это ещё не конец — такова одна из тайн Старицы, которыми она может поделиться. Легко озвучить эту мысль, но стократ сложнее истинно понять и принять ее, и я сам не могу утверждать, что мне это удалось. Что ж, мне остается только надеяться, что когда-нибудь Старица сможет объяснить ее мне. Именно об этом стоит молить Её, ведь Богиня-Старуха воплощает не одну только Мудрость, Она же — и сама Надежда.

И Она же — Отдых после трудов праведных, Она Та, кто собирает урожай наших дел. Не будь Ее — мир превратился бы в бесконечный поиск без надежды найти, бесконечный бег к цели, которую невозможно достичь. Возможно, кому-то такая перспектива и покажется не лишенной прелести, но гармоничным такой мир назвать было бы нельзя. Где есть Начало — там должен быть и Итог.

В наши дни крайне редко в ритуальной практике используются атрибут Старухи — Серп. Только один раз мы кладем его на алтарь — в праздник Урожая Зерна. Подобно Чаше Серп является орудием перехода и смены состояния, но если Чаша осуществляет такой переход через рождение, мы извлекаем нечто из нее, то Серп — через смерть и мы напротив — «убираем» им урожай. И раз уж мы говорим, что идем Путем Мудрых, нам следует понимать, что оба этих перехода равнозначны.

О ТЁМНОЙ МАТЕРИ

Подобно тому, как Земля отбрасывает тень на Луну, а Луна — на Землю, Богиня также имеет Тень. Четвертый лик Триединой богини (как бы странно это ни звучало) — есть Тёмная Мать, Чёрная Госпожа, общая Тень Девы, Матери и Старухи.

В первом тексте этого цикла я уже писал, что Единое Божественное по природе своей не благо, и не порочно, но вся благодать и все пороки — в Нём. Чёрная Госпожа в некотором смысле есть персонификация всего того в Богине, что мы в восприятии своем считаем страшным, разрушительным и губительным.

Она есть тот Неистребимый Ужас, что приходит из Тьмы и заставляет нас жаться к огню и свету. Она — Хозяйка бесплодных обожжённых Пустынь, Королева чернейших Глубин Океана, где нет места ничему привычному и знакомому нам. Она — Беспощадный Рок, Печальная Участь.

Если Богиня-Старуха являет собой закономерный уход и должный конец пути, то Тёмная Мать — есть Смерть-до-Срока, Бездна, в которую срываются неосторожные, бесконечно сжимающаяся Чёрная Дыра.

Всё это звучит крайне отталкивающее, но определенно можно сказать, что хоть Она — Грозна и Ужасна, Она — не Зло. Викка вообще не оперируют понятиями «добро — зло», есть только причина и следствие.

Там, где совершенное тобой деяние ведет тебя к страшным последствиям — появляется Она, Расплата и Урок, Карающая Десница Божественного. И только пройдя через тот Кошмар, что Она несёт с собой ты поймешь, где совершил ошибку и как должно было — и как должно будет поступить.

Во всём своём inferнальном величии, Чёрная Госпожа есть одна из граней могущества Единой Богини, и один из источников Ее сил. Не будь у Богини Тени — Она не была бы так совершенна, как Она является нам, ибо без ужаса нет восторга, а без трепета — любви. Она также — те испытания,

что делают нас сильнее; та Буря, сталкиваясь с которой мы обретаем знание о том, как пережить следующую бурю: та Раскаленная Печь, в которой мы перепекаемся и обретаем совершенство; огонь, вода и медные трубы, пройдя сквозь которые, мы наконец сможем достичь полноты.

И наконец — в час самых страшных испытаний, когда других средств уже не остается, мы можем направить свои молитвы к Тёмной Матери, ибо кто еще может победить Ужас, как не другой, больший Ужас, и кто может спасти от Бездны — как не сама Бездна?

О БОГЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Писать о Боге в викике — трудно, во всяком случае, мне. Хотя, по моим ощущениям, всё же не только мне. Очень много написано и сказано о Богине, о Боге же — гораздо меньше, а то, что сказано, мне никогда не нравилось. Кто-то описывает Его как малокровную тень, безвольного консорта, придаток и производное от Богини. Кто-то впадает в другую крайность и рисует его эдаким Духом Тестостерона, рабски стремящимся к бесконечному доминированию малодушным Царем Горы. Ни тот, ни другой подход меня не устраивают.

Трудно писать о Боге. Впрочем, не хочу сейчас разбираться почему это так, лучше, во славу Его и с Его помощью, попробую преодолеть это затруднение.

Итак, подобно тому, как символом присутствия Богини в мире мы считаем Луну, Его проявление на нашем уровне реальности предстает перед нами как Солнце. На первый взгляд, Солнце не претерпевает в небе таких же очевидных метаморфоз, как постоянно меняющаяся фазы Луна, и поэтому многие викикане, поклоняясь Триединой Богине, склоны трактовать Ее божественного Супруга скорее монически. Такого монического «просто Бога» обычно называют «Рогатым Богом». Однако взгляд на Солнце как на нечто неизменное мне кажется поверхностным: достаточно посмотреть на царственное и торжествующее Солнце-в-Зените, а затем — на кровотокающее

Солнце-на-Закате, и многое сразу станет понятнее. А если у вас хорошая фантазия, вы можете еще и попытаться представить себе Чёрное Солнце-в-Надире, и это еще больше приблизит вас к пониманию сущности Божественного Мужа.

Впрочем, существуют и такие викканы, которые пытаются представить Бога тройственным, как и Троиединую Богиню. При этом три Его ипостаси называют по-разному: Сын, Отец и Старец, или Воин, Сеятель и Мудрец, или иначе. Единодушия, как в случае с тремя ликами Богини тут нет. Мне же такой подход кажется до некоторой степени искусственным: смена ипостасей Богини неразрывно связана с лунным месяцем, когда как ритуальное отражение трансформации Бога — солнечный год, где в качестве «фазы» (аналогичной одной из фаз луны) принимается длина светового дня. Очевидно, что за год Бог сменяет больше модусов, нежели три: на Йоль Он младенец, на Имболг — ребенок, на Остару — юноша-подросток, на Бельтайн — молодой мужчина, на Литу Он достигает зрелости, после чего начинает стариться, пока не достигает состояния Божественного Мертвеца, чтобы после начать всё сначала. Следовательно, скорее Его нужно было бы считать «Восьмиединым» или «Восьмеричным» по числу саббатов, нежели тройственным.

И наконец, отличный и от монического, и от троичного, существует еще один способ описания Бога и Его аспектов — бинарный, и этот подход мне кажется наиболее точным, красивым и уместным, поэтому в своем тексте я буду придерживаться именно его. Следуя этому подходу, мы представляем Его Двойственным — как Бога Жизни и как Бога Смерти. В нашей ритуальной практике эти два модуса Бога явлены в образах Короля Дуба — хозяина светлой половины годового цикла, и Короля Остролиста — повелителя темной половины.

Итак, я вижу Бога Двуетиным Хозяином Жизни и Смерти. Вместе с тремя ликами Богини, два лика Бога образуют пентаграмму, главный символ викки как религии, хотя, конечно, это только одна из многих интерпретаций значения пятилучевой звезды, даже не самая распространенная, но близкая мне.

Однако прежде чем подробнее останавливаться на каком-то из двух Его аспектов, следует сказать о Нем в целом.

Как я уже говорил, рассуждая о Боге в викике мы всегда рискуем всегда впасть в какую-нибудь крайность: либо в духе радикального феминизма трактовать его как несамостоятельное производное от Богини, либо, в пику первому подходу, наоборот, сделать акцент исключительно на его «маскулинных» качествах. Ни то, ни другое не кажется мне верным.

Конечно, Бог во всем зависит от Богини и не существует без Неё, Она — Его Смысл и Его Душа. Однако то же можно сказать и о Ней: без Бога Богиня не будет Богиней, и в Ней так же не будет смысла. Поэтому, Они равнозначны и равноценны, как для нас, своих детей, так и для себя самих.

И конечно же, Бог мужествен — предельно мужествен, ибо Он — Мужественность как таковая, воплощение всего того в Мироздании, что мы воспринимаем как «мужское». Однако многие часто забывают, что неотъемлемая часть мужества — жертвенность, способность отринуть себя ради чего-то большего. И это уже куда меньше похоже на вечную инфляцию эго (если не сказать грубее и образнее — «эрекцию эго») Царя Горы.

Он есть Царь и Царственность, Воин и Воинственность, Любовник и Любовь, но вместе с тем — Мудрец и Мудрость, Аскет и Аскеза, Жертва и Жертвенность. Всё это вместе являет пред нами недоступный образ Бога-Шамана, прозревшего мир от Края до Края, и свободного подняться Вверх и спуститься Вниз. Равно легко Он садится на Престол на празднике Литы, и ложится на Жертвенник в день Ламмаса. Равно желанны Ему и Ложе Богини в Бельтайн, и Тьма Царства Мёртвых на Самайн. Он — Волк-Охотник, и Он же — Олень-Добыча, Он — полный соков Дуб, неуязвимый для топоров, и Он же — иссохший куст, сам алчущий стать пищей для пламени. Он — Сладость Плодов и Горечь Трав, Лекарство и Яд, Стон Страсти и Стон Боли.

Будучи предельно мужественным, Он естественным образом также предельно свободен. В том числе, конечно

же, Он свободен от наших земных представлений о мужественности. Как Богиня в образе Охотницы-Артемиды не чурается надеть мужские одежды и взять в руки оружие, так и Он в истинно шаманском акте познания мира во всей его полноте, подобно Гераклу надевшему платье Омфалы, может облечься в женственность и предстать в состоянии Юноши-Девы и так стать истинным Богом Плодородия — мистической Целостностью. И в следующую же секунду Он может предстать Духом Битвы, Неукротимым Аресом, пьющим кровь вместо вина, ибо и это тоже — свобода. И, наконец, главное проявление свободы — право отказаться от свободы, и тогда Он добровольно расстается и с наслаждением, и с болью, отдавая Себя Самому без остатка, склоняя голову пред Серпом Жрицы, превращаясь из Яростного Овна в Кроткого Агнца, и свершает важнейшую мистерию своей судьбы — приносит в жертву Себя самому же Себе. Ибо только так Бог Жизни может стать Богом Смерти, и только познавший и Жизнь, и Смерть имеет право называть себя Богом.

О БОГЕ ЖИЗНИ

Бог Жизни прежде всего — Живой Бог. Он — торжество плоти и проявленности, торжество чувства и стремления. Он — Голод Охотника, ибо через Голод Охотник длит свою жизнь, и Он же — Бег Добычи, ибо Бегом Добыча длит свою. Он Сеятель, и — Осеменитель. Он — та Энергия, что приводит в движение Материю. Он — Инициатор, Толчок, Импульс.

Если вернуться к образу Бога-Шамана, то Бог Жизни — шаман в священном Танце, блаженный Натараджа, неистовый Дервиш, вращающийся Суфий. И вращение Его — приводит в движение планеты и звезды.

В викке Бога Жизни чаще всего представляют в виде Рогатого Бога, увенчанного короной оленьих рогов. Корона эта одновременно и его трофеей как Охотника, и — Его собственные рога, знак его силы, вещественное проявление Его экспансии вовне. Он также — Солнце в Зените, миг

триумфа Света и Жизни. Тепло наших тел — от Него. Огонь нашей страсти — от Него. Буря наших чувств — от Него.

И от Него к нам также нисходит Вещий Экстаз, Откровение, получаемое в эпилептическом припадке Счастья.

Символами Бога Жизни в викке можно назвать олени рога (как уже было сказано, одновременно и трофей, и проявление собственной мужской экспансии), дуб и венок из дубовых ветвей которым Он венчается в Ипостаси Царя Мира. В качестве ритуального атрибута Бога Жизни я могу назвать магический Жезл — очевидный фаллический символ, призванный испускать и направлять энергию.

О БОГЕ СМЕРТИ

Бог Смерти — Мёртвый Бог. Когда на Ламмас Царь ложится на жертвенник, отдавая всю свою силу и энергию подобно тому, как земля отдает урожай, Он умирает и предстает пред нами в ином качестве — как Владыка Ушедших.

Если Бог Жизни — Царь этого мира, то Бог Смерти — Повелитель царства теней. Он — Светило Зашедшее, Солнце в Надире. Бог Смерти — предельная Мудрость и предельная Тайна, ибо, только умерев, можно познать всё без остатка.

Бог Смерти — Утешитель мёртвых, ибо если они знают, что и Бог не избежал смерти, их участь кажется им уже не такой печальной. И в то же время Он — Надежда мёртвых, ибо Он открывает им тайну нового рождения. В этом смысле Он — семя, зарытое в земле и обещающее плод.

Он — Шаман в каталепсии, Аскет, застывший в медитации, ибо не смерть ли — величайшая аскеза и глубочайшая медитация? Он — Истина, открываемая в тишине и неподвижности. И наконец, когда даже во Тьме Иного Места уже не остается тайн, Бог Смерти завершает Круг и рождается вновь как Бог Жизни.

Символом Бога Смерти в викке считается череп животного или человека. Ритуальным атрибутом Его я считаю кинжал Атам — по функциям сходный с Жезлом, но являющийся более «темной» и «острой» интерпретацией той же идеи.

О ВЕЛИКОМ ДРАКОНЕ

Подобно тому, как в Триединой Богине я выделил четвертую, тeneвую ипостась, то же я могу сказать и о Боге: Двуетидный Бог имеет также и третий, разрушительный лик.

Мне он является в виде Великого Дракона, Древнего Змея, воплощения Хаоса и Энтропии. Всё то разрушительное и страшное, враждебное и вредное что сокрыто в нашем Боге я вижу в образе Василиска, дыханием своим убивающим всё живое, адской рептилии — наиболее архаичной и жестокой части нашего существа, которое в физиологии иногда называют «рептильным мозгом». Дракон — Тень Бога, и поэтому Он обречен с ним вечно бороться, и эта борьба нашла отражения в мифологии многих народов мира как битва Героя и Змея.

Дракон — есть разрушение-ради-разрушения, та самая бесконечная воля к доминированию и власти, инфляция эго, ненасытное и всепожирающее чудовище, которое должно, в конце концов, остаться в одиночестве, ибо истребило всё вокруг себя.

И Он же — пресловутый Змей-Искуситель, ибо Дракон хитер и коварен, и одно из проявлений Его стремления остаться одному — это желание превратить другого в себя, для чего Он, как виртуозный арфист играет на чувствах и слабостях, раздувая в другом тот же пожар бесконечной Жажды, что горит в Нем самом.

Однако, как и в случае с Темной Матерью, Дракон — не зло. Как и любая Тень — Он есть источник силы Бога, одна из граней Его Величия. И одна из тайн, которую Бог вынес из царства смерти, как раз и заключается в том, что Герою бессмысленно пытаться убить Дракона, ибо тогда Он сам станет Драконом.

Гораздо мудрее — сделать Дракона Собой.

О БОГАХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ И ИХ ОБЩЕЙ БОЖЕСТВЕННОСТИ

3. Я верю в сонм богов, богинь и духов, что в равной степени есть лики Божественности, лики Вселенной и лики людей.

Полагаю, моим гипотетическим оппонентам на теологическом поле (а вероятность их появления довольно высока) было бы до крайности просто меня критиковать. Действительно, единожды постулировав «парадоксальность Божественного» я в дальнейшем ношусь с оной как с писаной торбой, поминая ее почти через слово. Без этой — довольно удобной для меня, как заметили бы оппоненты — установки все мои построения рушатся как карточный домик. А потребуй от меня кто-то четко и однозначно отделить котлеты от мух, я смог бы только развести руками, и робко возразить, что — в глубине души! Ну, где-то очень глубоко! — мухи, конечно же, единосущны котлетам. Ведь как иначе еще можно объяснить столь великое взаимное притяжение между ними?

Увы, но ничего больше я предложить не могу. Так что, пришло время мне в очередной раз рассказать вам, что все красное также и зелено, а небесный свод, вероятно, сделан из меди.

ДВОЕ ИЛИ МНОЖЕСТВО

Некий конфликт между дуотеизмом и политеизмом всегда имплицитно присутствовал в викканском вероучении,

а в последнее время имеет тенденцию всё чаще выходить на эксплицитный уровень. Пожалуй, нет викканина, который бы так или иначе не сталкивался с этой проблемой на своем духовном пути, и зачастую — в самом начале оного.

Мы поклоняемся Великим Богу и Богине, но как быть с тем множеством богов, богинь и разнообразных гениев, которые известны нам из мифологии народов мира? Мне не доводилось встречаться среди виккан с мнением, что их вовсе не существует, но в каком они тогда отношении состоят с Божественной Парой?

Наиболее частое решение этой проблемы, которое мне доводилось видеть, сводится к расхожему афоризму, впервые озвученному, если меня не подводит память, Дион Форчун: «Все боги — один Бог, все богини — одна Богиня». Иными словами, весь тот сонм известных нам всевозможных богов и богинь — это имена (или маски, или ипостаси, или аватары — каждый выбирает наиболее приемлемое для себя уточнение) изначальных Бога и Богини. Такой подход я для себя определяю как «дуотеистический выбор».

Альтернативен ему, соответственно, «политеистический выбор»: все боги и богини народов мира существуют как самостоятельные личности, несводимые к некой «фундаментальной паре» и несводимые друг к другу. При этом образ этой самой пары становится скорее абстрактной метафорой: любой бог и богиня в духе генотеизма могут трактоваться как те самые «Бог и Богиня» для каждого конкретного верующего. Насколько мне известно, такой подход, изначально менее распространенный, к данному моменту постепенно увеличивает число своих последователей.

И наконец, исходя из формальной логики, можно было бы предположить наличие третьего подхода — «иерархического выбора»: Бог и Богиня существуют, а все прочие боги — их дети, или творения, или еще каким-то образом исходят от них, но при этом все же самостоятельные сущности. Однако на практике я никогда не встречал в викканском дискурсе подобных установок. Возможно, впрочем, такой подход

всё же не стоит выделять в качестве самостоятельного, и это просто одна из интерпретаций «политеистического выбора», которая могла бы существовать, хотя я, повторюсь, никогда ничего подобного не встречал.

Если же на время отвлечься от непосредственно викканского вероучения, и попытаться окинуть взглядом все неоязычество в целом, то тогда перед нами встает другая проблема. В большинстве современных языческих культов, как правило, мы однозначно встречаемся с политеистической установкой, но встает вопрос, а что, собственно, представляют собой все эти боги и богини? Есть несколько ответов.

Первый, условно «ортодоксальный» — боги и богини есть некие могущественные сущности, стоящие в «космической иерархии» выше человека, и, возможно, некогда его и сотворившие, а также сотворившие и весь остальной мир. Человек при этом прямо зависит от богов тем или иным образом.

Второй, условно «эгрегориальный», распространен скорее в тяготеющих к оккультизму группах, и потому, возможно, его нельзя определять как строго «языческий», но всё же необходимо указать здесь, как противоположность предыдущему подходу: боги есть могущественные сущности, однако несамостоятельные, а порожденные коллективной верой больших групп людей. При этом каждый конкретный человек всё же оказывается зависим от бога-эгрегора (за исключением тех, кто своими оккультными практиками достиг неординарной личной силы), но и сам эгрегор зависит от веры в него, и лишенный ее не способен существовать. Такой подход обычно кажется оскорбительным для представителей «ортодоксальной» школы, в то время как для исповедующих «эгрегориальный» взгляд «ортодоксы» представляются неумными и полностью зависимыми от своего эгрегора людьми.

Третий подход можно назвать условно «архитипалистским»: боги есть фундаментальные образы в нашем коллективном бессознательном. При этом есть разные способы трактовки идеи архетипа, как строго позитивистско-психологические, и тогда мы имеем дело с особой «нон-действующей

религиозностью», так и откровенно мистические, тяготеющие к одной из двух описанных выше концепций. Вопрос здесь в том, насколько в действительности «фундаментальны» эти архетипы, и зависим ли мы от них больше, чем они от нас, или наоборот. Ответ на этот вопрос собственно и дает исповедующему этот подход возможность либо для рационального, либо мистического взгляда на богов.

Четвертый подход можно назвать «персонификационным»: боги есть персонификации тех или иных природных явлений, элементов ландшафта и всевозможных глобальных принципов, с которыми мы сталкиваемся в своей жизни. Как и в предыдущей концепции, здесь возможны две трактовки: рационально-атеистическая, в которой идея «персонификации» понимается как «метафора», «поэтический образ», «умозрительная концепция», или мистическая, где «персонификация» есть фактическое «одушевление», «воплощение», «приобретения самосознания». Рациональная трактовка распространена скорее в научной литературе, посвященной вопросам языческой религиозности (в особенности — в литературе советского периода), когда как мистическая — среди самих язычников, впрочем, впервые познакомившихся со своей будущей верой именно в научной литературе, и пытающихся наделить рациональную концепцию религиозным смыслом.

И наконец, пятый возможный взгляд я называю условно «генетическим»: боги — тем или иным образом представляют собой «предков» человечества, как правило — предков какого-то конкретного народа. Широкое распространения этот подход, насколько я могу судить, имеет среди русских неоязычников — родноверов. При этом, опять же, как именно боги наделяются статусом прямых предков человека можно описать по-разному. Кто-то понимает эту идею буквально, и тогда мы имеем дело скорее с эвгемеризмом (впрочем, с довольно «абстрактным» эвгемеризмом), кто-то — более метафорически, и тогда это может быть ближе к одной из вышеуказанных концепций.

Нетрудно заметить, что все пять подходов нельзя назвать абсолютно противоречащими друг другу. Так или иначе, каждый конкретный верующий может в своем личном восприятии богов сочетать элементы нескольких из них, к примеру, первого и четвертого, первого и пятого, четвертого и пятого, второго и третьего, и так далее. Кроме того, очевидно, что в пять описанных концепций вовсе не укладывается весь возможный спектр отношения к божественному: я не коснулся вопросов анимистических и анималистических представлений, ничего не сказал о возможности непосредственного — без персонификации — поклонению природным явлениям, и многом другом. Причина тому: к проблеме восприятия именно богов как конкретных поименованных и известных нам из мифологии народов мира персонажей эти формы религиозности относятся лишь косвенно. Если же темой данного текста является вопрос, как кто-то понимает непосредственно, скажем, Зевса или Энлиля — пятью описанными подходами, полагаю, можно ограничиться.

Но это все анализ. Не пора ли перейти к синтезу? Конечно, с моей стороны было бы излишне претенциозно заявить, что сейчас я вам расскажу, как в действительности обстоят дела. Я могу познакомить вас только со своим собственным видением. Итак, приступим.

ВСЕ ЕСТЬ ВСЁ

Прежде всего, хочу вспомнить о системе Звезды, которую я описал в первом тексте цикла и немного коснулся во втором. Итак, если в центре Звезды я вижу Единое Божественное, максимально близко к центру — Бога и Богиня, а максимально удаленно от него — личности конкретных людей, то весь сонм богов, богинь и духов будет в этой системе располагаться где-то между центром и периферией. Иными словами, разумеется, боги не так абсолютны как Единое, не так близки к Абсолюту, как Бог и Богиня, но и не так конкретны, как люди. Они личностны, и как любые личности имеют границы

и сводимы к ряду каких-то принципов, но в тоже время они не сосредоточены в какой-то одной точке пространства как смертные и не скованны никакими физическими ограничениями. Для них существует время — они могут рождаться и умирать, но это принципиально иное время, нежели время смертных. Их время — время мифа, никогда и всегда. Их пространство — сакральный топос, нигде и всюду. И, как и любой элемент Звезды, они неразрывно связаны со всеми другими элементами, и, так как, повторюсь, они не скованы ограничениями физического мира, связь эта переживается куда как острее, чем мы, воплощенные, можем себе представить.

В своем символе веры я пишу, что для меня боги в равной степени есть лики Божественности, лики вселенной, и лики людей. Вспомнив все, что я написал в первой части этого текста, можно пояснить: боги это одновременно и собственно боги — могущественные сущности, никак не зависящие от людей, и персонификации явлений природы, и — архетипы. Всё это — сразу.

Кто такой Зевс? Зевс — это бородатый мужчина в хитоне, царь богов, сын Кроноса и Реи, восседающий на троне на горе Олимп и мечущий молнии вниз, и в то же время Зевс — это молния. Каждая молния, которая только когда-либо сверкала в небе, сверкает сейчас, или будет сверкать. И он же — образ отца и царя в моей голове, и даже я сам в те моменты, когда я облакаю себя в образ царя по каким-то причинам. Зевс — бог, Зевс — молния, Зевс — я. И ты, разумеется, тоже, читатель.

Кажется, невозможно это соединить вместе. Ну что же, я предупреждал, что все красное — зелено.

ОН — БОГ

Единое Божественное как принцип содержится во всем и присуще всему. Блаженство богов в том, что они полностью осознают свою Божественность, что и делает их столь великими и недоступными в наших глазах. Нам почти невозможно

представить, какого это, быть богом — осознавать себя как себя и в тоже время — себя как Всё. Для нас это неразрешимое противоречие, для них — истина существования. Именно поэтому мы молимся им, а не они нам. Но впрочем, нельзя сказать, что и они вовсе не нуждаются в нас: будучи столь близко к Истоку слишком легко растворится в Нем, забыв себя и утратив чувство самосознания. Мы же, раз от раза обращаясь к ним и называя их по имени помогаем им остаться собой и не утратить личности. Отношения богов и людей есть союз одинаково выгодный обеим сторонам: они есть наша связь с Единым, мы — их связь с конкретным, и вместе мы помогаем Звезде-Всему оставаться такой, какой ей должно быть.

Встреча богов и людей есть ритуал. Она происходит на границе нашего мира и их мира, между конкретным и Абсолютным, между физическим и метафизическим. Они нисходят к нам, мы — восходим к ним. Ритуальный круг в викке — как раз есть такое место-без-места, время-без-времени, граница бытия и инобытия, где одинаково комфортно и людям, и богам. Главная цель каждого ритуала — это еще раз подтвердить заключенный между нами договор: вместе мы держим Вселенную на своих спинах, мы — здесь, они — там. Способ подтверждения договора — ритуальная трапеза-причастие, когда мы делим с богами хлеб и вино, и через которую мы получаем частицу их Божественности, а они — частицу нашей вещественности.

В начале текста я поднял вопрос, а как всё множество богов известных нам соотносится с изначальными Богом и Богиней? Ответ очевиден, и, разумеется, парадоксален: никак и неразрывно. Каждый бог есть самостоятельная сущность со своим местом в Мироздании и в тоже время, каждый бог — Бог, а каждая богиня — Богиня. Увы, но употребить здесь любой из названных терминов, вроде «дуотеизм», «политеизм», «генотеизм» и, конечно же, «иерархия» было бы недопустимым упрощением. Каждый из них — «сам по себе», и в тоже время каждый — «лик Божественного».

Впрочем, наряду с недопустимыми упрощениями существует и допустимое. Чтобы проще было представить себе отношение любого бога и Бога, и любой богини и Богини, можно обратиться к такой викканской ритуальной практике как «низведение Луны» и «низведение Солнца». К примеру, при низведении Луны сама Богиня нисходит в тело жрицы, и на какое-то время жрица становится Богиней, и все участники ритуала обращаются к ней как к Богине. Но если для смертной женщины, пусть и жрицы, невозможно долго содержать в себе столь Великое, и возможность того строго ограничена рамками ритуала, то любая богиня всегда как бы находится в состоянии низведения Луны и содержит в себе Богиню. Поэтому, если в ритуале мы можем обращаться как к Богине к жрице, то, например, к Деметре или Инанне мы всегда можем так обращаться. Конечно же, как уже было сказано, это не больше чем упрощение, однако, как мне хочется верить, близкое к истине.

Он — молния

У богов, разумеется, нет тел в том смысле, в каком они есть у нас. Однако если всё же попытаться спроецировать на них нашу концепцию «тела», то, пожалуй, их телом были бы те аспекты мироздания, которые с ними ассоциируются. Впрочем, такая установка все равно не так проста, как на первый взгляд. Легко представить тело Деметры — это пашня или поле, а что будет телом Афродиты? Очевидно, любовь, как бы абстрактно это не звучало. Можно даже сказать, «бестелесно» не звучало.

Однако здесь мы опять сталкиваемся с узостью человеческого мышления: можно представить, что поле — это тело Деметры, но куда сложнее, что поле — это и есть Деметра. И это конкретное поле, и все поля, что есть на земле, и все, что были, пусть даже сейчас там лес или город, а главное — и все, что будут, даже если сейчас там дно морское. Ведь как я уже говорил, и время, и пространство для богов абсолютно

иное. Именно поэтому любому богу можно молиться где угодно, ведь так или иначе, он присутствует везде. Единожды увидев молнию, ты уже никогда не расстанешься с Зевсом, ибо знаешь, что такое молния. Единожды встретив чью-то смерть, с тобой всегда будет Аид, ведь тебе известна смерть. Но если есть возможность, конечно, лучше всего обращаться к богу там, где он для тебя присутствует актуально: молись Посейдону на берегу моря, а Фрейру — на солнечный свет. Дело не в том, что иначе бог тебя не услышит — как я уже сказал, это не так, а в том, что тебе самому будет проще услышать его.

Вопрос, который возникает в этом контексте, это проблема отождествления. Действительно, если и Тор, и Перун — это молния, можно ли сказать, что Тор и Перун — один и тот же бог? И можно ли пользуясь такими отождествлениями реконструировать некий единый «общечеловеческий» пантеон?

Вероятно, вы уже знаете, что я на это скажу. И да, и нет. Разумеется, Тор и Перун это один и тот же бог, и конечно же — это совершенно разные боги. Восприятие одного человека не имеет ничего общего с восприятием другого. И будучи воспринятым кем-то, увидевшим молнию, существует Тор, но другой, увидев ее же, встретит Перуна. Можно сказать даже больше: двое, увидев Тора, на самом деле увидят двух разных Торов, совершенно самостоятельных и возможно ничуть не похожих друг на друга. Но всё это будет одна и та же молния.

И в тоже время, Единое Божественное в равной степени присущее всему связывает Звезду в нечто совершенно монолитное, где всё становится всем. Легко отождествить Зевса, Тора и Перуна, но что если я скажу, что Зевс — это Гера, а Гера это Зевс? Что близнецы Аполлон и Артемида на самом деле одно и то же? Что Персефона, похищенная Аидом, была похищена самой же собой? А ее мать, Деметра, оплакивая и тщетно разыскивая дочь, на самом деле о себе плакала и себя искала?

Мы, запертые в конечных физических телах, всегда четко осознаем свою границу. У богов такой границы нет. Подобно объемам воздуха в разных комнатах они как бы дискретны, и в тоже время все едины, ведь Божественность у них одна на всех.

Он — я

И наконец, прибывая всюду, конечно, боги пребывают и в нас. Все — сразу, во всех — сразу. Каждый из нас в той же степени тело бога, как молния, пашня или море. И более того, каждая наша личность — личность бога, ведь именно через нас они и обретают личность. Мы можем обратиться к морю, но морю нечем осмыслить наш вопрос и нечем ответить на него, кроме как — нами же. И море может это сделать, ведь Божественное, присущее морю, присуще также и нам.

Говоря о связи людей и богов, стоит вспомнить также о таком явлении, как мифы. Ошибочно воспринимать миф, как событие, произошедшее когда-то. И также ошибочно думать о нем, как о никогда не происходившей выдумке. История любого мифа — действительно происходила. Она происходит сейчас. Она будет происходить всегда.

Всякий раз, когда муж изменяет жене — Зевс изменяет Гере, а когда жена мужу — Афродита Гефесту. Каждый раз, когда ученый совершает открытие, делающее жизнь людей чуть лучше — Прометей приносит огонь. Любой хитрец — Локи, каждая мать — Исида, всякая любовница — Иштар. Миф есть фундаментальный закон мироздания, ничто не может произойти, не будучи описанным в мифе, а если произойдет — появится новый миф.

Любое событие нашей жизни — часть мифа, а мы герои мифа. Каждый из нас за свою жизнь был множеством богов, и будет еще множеством. На первый взгляд это похоже на детерминизм, но правда в том, что у нас всегда есть выбор, героем какого мифа стать. Но, конечно же, чтобы осуществить

этот выбор, необходимо полностью осознавать происходящее и иметь представление о возможных вариантах.

Всё это — еще один повод чтить богов: они есть чистые формы того, к чему мы можем стремиться.

Они — наш путь от края Звезды к центру.

О ВЕРЕ ИСТИННОЙ И ВЕЛИКОЙ, ИЛИ О СО-ТВОРЕНИИ

4. Я верю в Веру,
что есть творческая
и движущая сила Божественности.

Закончив — пока — разговор о богах, Богах и Божественном, мне следует далее двигаться от центра Звезды к ее краю, и постепенно переходить к разговору о людях, ведь люди, как я думаю, не менее важный элемент Всего, нежели боги. Впрочем, конкретно этот текст будет посвящен всё же еще не совсем людям, но тому, что стоит между ними и Божественным во всех его проявлениях.

Я хочу рассказать о Вере. Приступая к написанию этого текста, я полностью осознаю, что, пожалуй, он будет наименее «викканским» и, возможно, даже наименее «языческим» из всех. Разработанную онтологию веры мы часто можем встретить в работах христианских богословов, но не у язычников, ни древних, ни современных. Возможно даже с некоторой долей условности предположить, что сам концепт «веры» как чего-то самодостаточного и самоидентифицированного — в принципе христианское изобретение. Однако, ничтоже сумняшеся, я думаю, что мне есть что сказать об этом явлении и с позиции виккана.

Вероятно, пассаж «я верю в Веру» в моем символе мог бы показаться многим тавтологичным и лишним. Однако я написал правду: для меня Вера-сама-по-себе есть объект религиозных чувств такого же порядка, что и Божественное,

и, более того, я считаю Веру как таковую ключевым проявлением Божественности в мире людей. Я мыслю религиозную — в первую очередь — Веру не просто как акт принятия какой-то идеи без рефлексии и требования убедительных доказательств, как ее обычно трактуют, а как великую силу, при помощи которой мы и Божественное вместе творим («со-творим») Мироздание. И не одно, но множество Мирозданий.

О ВЕРЕ

Оформляющей и со-творящей стороны религиозной Веры я немного касался в предыдущем тексте цикла. Я полагаю, что боги таковы, какими мы в них верим, именно потому, что мы в них верим такими. Действительно, для Земли нет оснований являться в виде женщины, за исключением того, что тот, к кому является богиня-Земля, мыслит ее как женщину. Для нее так же нет оснований иметь имя, кроме как затем, что некто назвал ее Деметра. Одно и то же Солнце светит и в Греции, и в Японии, но в Греции это Гелиос, а в Японии — Аматерасу именно потому, что греки придали богу-Солнцу личность и имя Гелиоса, а я японцы — Аматерасу.

Вслед за верой людей в богов меняются и сами боги, так бог-пастух может стать богом-чародеем, как это произошло с Гермесом, ставшим Гермесом Трисмегистом. Возможно, некоторым может показаться, что говоря это, я принижаю богов и возвышаю людей, но это не так: как я уже писал, боги существуют и сами по себе, в качестве неизменном и неподвластном вере — как явления и принципы, но те их аспекты, что доступным нам для коммуникации, полностью созданы нашей Верой. При этом сама Вера, столь сильная, что может изменить даже бога, есть дар Единого Божественного человеку, и, по сути, есть проявление самого Божественного в человеческой природе.

Для Веры как проявления Божественного не существует также границ времени и пространства. Всё, во что я верю,

существовало всегда и везде, пусть даже я поверил в это только вчера. Вера меняет прошлое и творит будущее, даже если это будущее никогда не наступит.

Вера есть особый метафизический «цемент» Мироздания, скрепляющий его и объединяющий. По сути, весь метафизический аспект Вселенной, всё, что находится за пределами пяти основных чувств, это и есть Вера, при этом не менее реальная и настоящая, чем физическая действительность, ведь подобно тому, как мы видим и слышим на физическом уровне, истинность своей Веры мы также ощущаем неким присущим нам чувством, иначе, откуда бы она вообще взялась? И если я доверяю своим глазам и ушам, почему я не должен доверять и этому чувству?

Номос и Космос¹

Я утверждаю, что все мифы правдивы. Мифы всех народов мира — правдивы единомоментно, даже там, где, на первый взгляд, они друг другу противоречат. И уж тем более там, где они противоречат нашему современному повседневному опыту. Снять это кажущееся противоречие мне помогает концепция множественности Номосов в рамках Космоса.

Я верю, что в лесах древней Эллады жили сатиры и кентавры, а среди фьордов древней Скандинавии — тролли и гномы. Я верю в ирландских фей и индийских наг. Причем я верю в них именно в том виде и статусе, в каком они описывались в мифах соответствующего народа. Так куда же они все делись? Почему те, кто были соседями древних народов недоступны нам сейчас (во всяком случае, для подавляющего

¹ Хотя я обещал избегать ссылаться в своих текстах на авторов озвученных мной идей, в данном случае, было бы справедливо и честно ответить, что концепцию Номосов я воспринял из творчества Генри Лайона Олди и Андрея Валентинова, у которых она называется «Теория адаптации Семёнова-Зусера».

большинства наших современников)? Все просто: древние греки жили немного не в том мире, в котором живем мы. В своем собственном мире жили также и скандинавы, ирландцы и индийцы — каждый в своем.

Такой локальный мир называется Номос. Номос есть мир мифа, созданный верой коллектива людей, верящих примерно в одно и то же. Номос — абсолютно живая и вещественная реальность, полностью данная в ощущениях, но лишь для своего обитателя и со-творца. Существой машина времени, и окажись современный человек в древней Греции, он все равно не увидел бы кентавра, даже если бы местный абориген ткнул в него пальцем, ведь современный человек не был бы частью Номоса аборигена. Но останься наш современник там надолго, проникнись он духом и верой того времени и места, и чужой Номос принял бы его, и встреча с кентавром оказалась бы возможна.

Номос — это весь мир своего обитателя, ничего за пределами Номоса для него не существует, к примеру, в мире древних кельтов была Римская Империя, но Австралии не существовало. При этом, разные Номосы могут пересекаться: в мире древних греков был Египет, но и у Египтян был свой Номос. При этом Египет греков, и Египет египтян — два совершенно разных Египта, существующих одновременно. Совокупность всех Номосов образует Космос — всё Мироздание в целом. Перемещение между Номосами возможно, но не проще, чем перемещение между планетами, хотя и требует скорее духовных ресурсов, нежели физических.

Очевидно, что Номосы могут возникать и разрушаться. Почти ни один из древних Номосов не уцелел, мы живем совершенно в другом мире — в других мирах, если быть точным. В наших Номосах есть Австралия и даже галактика Андромеды, но — увы — не кентавров и единорогов. Однако я действительно полагаю, что они могли бы быть, поверь мы в них. Любой Номос — полностью порождение веры и мифа своего обитателя. Таким образом, наша Вера творит наш мир. С удивлением и восторгом, я наблюдаю, как постепенно

рождается викканский Номос, в котором, например, уже живут феи. И пусть это не те феи, которые жили в Номосе Ирландии, но какая, в сущности, разница?

ОБ ИСТИННОЙ ВЕРЕ

В контексте всего сказанного выше, останется вопрос такого определения, как «Истинная Вера». Всякая ли Вера истинна, и нет ли возможности для заблуждения? Я полагаю, что есть, и не всякая.

Проблема здесь в том, что наделе человек может очень легко ошибаться относительно своей Веры. Думать, что верит во что-то и не верить на самом деле, или верить в нечто принципиально иное. Он может молиться кому-то, и не слышать ответа как раз по тому, что в действительности не верит ни в свою молитву, ни в ее адресата, а значит, ничего из этого не существует для него.

Заблуждениям относительно своей Веры мы обязаны в большей мере обществу. Когда множество людей верит во что-то, а ты нет, слишком велик соблазн убедить себя, что и ты тоже веришь. Этот путь — неверен и не ведет ни к чему хорошему. Невозможно изменить свою Веру, ведь, как и любое проявление Божественного, она не подвластна акту воли и желаниям. Она либо есть, либо ее нет, и она всегда такова, какая есть, и никакая иначе. Она может меняться с течением времени, но никогда насильно.

Для меня Истинная Вера это не то, что «существует на самом деле» — всё существует на самом деле. Истинная Вера — это то, во что истинно веришь именно ты. Иными словами, я понимаю Истинную Веру примерно так же, как Кроули понимал «Истинную Волю»: это нечто, присущее твоей и только твоей природе, и не должное быть как-то сообразным законам обществам, его морали и прочим установкам. Любая Вера истинна — если она истинно твоя.

Следовательно, одной из важнейших, и, возможно, первейших задач любой духовной работы я считаю поиск

своей Истинной Веры. Каждый должен очистить свою душу от всего наносного, принятого и навязанного себе в угоду обществу или в силу каких-то других причин, и добыть в себе нечто, во что он по-настоящему искренне верит. Эта Вера и станет его миром и его дорогой к Божественному, каким бы оно не являлось в его Вере.

Тот, кто не знает своей Истинной Веры — не знает ничего. Тот, кто ее узнал — узнал все.

О МАГИИ, КАК ИСКУССТВЕ ДЕЛАТЬ ПРАВДУ

5. Я верю в Магию, как в конкретное проявление Веры.

Каждый текст этого цикла посвящен какому-то конкретному вопросу, но вместе с тем, весь цикл целиком призван дать общую картину викканского учения в том виде, как я его понимаю. Более того, я лелею надежду, что каждый следующий текст полнее и глубже раскрывает тему предыдущего, во всяком случае, так было задумано изначально. Удалась эта задумка или нет, судить не берусь, но в данном конкретном случае, все, что я напишу дальше, будет вытекать из сказанного в прошлом разговоре о вере. В своем кредо я написал, что верю в Веру, и магию — как проявление Веры. Что я имел под этим в виду я и попытаюсь сейчас объяснить.

Когда бы и кто бы ни начинал разговор о викке, рано или поздно поднимается тема магии, и чаще рано, чем поздно. Представители всех возможных культур и вероисповеданий так или иначе обращаются к магическим практикам, однако именно в викке занятия магией настолько интегрированы в культовую деятельность, что порой в принципе невозможно провести четкую разделительную черту и точно ответить, является ли та или иная викканская практика религиозной или магической. Впрочем, многие виккане и вовсе не желают проводить эту черту для себя, и полностью отождествляют первое со вторым. Я на этот счет придерживаюсь немного иной позиции, однако, разумеется, и я не могу обойти тему магии стороной.

Мнений насчет того, что такое магия, как она работает — если работает, и зачем она нужна существует великое множество. Кто-то мыслит ее как способ решения конкретных задач, зачастую весьма утилитарного, если не сказать прозаического характера. Напротив, многие романтически настроенные оккультисты «истиной» магией называют только ту деятельность, которая служит «духовному росту» мага, а первый, утилитарный подход объявляют профаническим. Мне же здоровое зерно видится в обоих вариантах трактовки этого явления: давайте отбросим лукавство, магию когда-то придумали именно для того, чтобы добыть на охоте тучного бизона, и чтобы зубы не болели, и именно для этих и схожих целей ее всегда и использовали. Однако кто сказал, что решение насущных проблем не может послужить духовному росту?

Что касается вопроса «как работает?» — то здесь по совершенно неведомым мне причинам многие предпочитают обращаться к сфере естественнонаучного знания. Раньше это был «магнетизм», потом «биоэнергетика», теперь в моде «квантовая теория» и иже с ней. Каждому принципу магической работы представители подхода отождествляют тот или иной физический закон, любое магическое действие должно иметь естественнонаучное объяснение и так далее. Степень же реальной «научности» всех подобных рассуждений, как правило, весьма и весьма спорна.

Впрочем, не возьмусь ничего судить о правомерности такого подхода. Вероятно, причина в том, что я — убежденный гуманист, и какой именно естественнонаучной теорией объясняется принцип работы магии мне решительно неинтересно. Для меня магия — нечто, однозначно относящееся к сфере человеческого духа, а значит, если и пытаться подходить к ней с позиции науки, то — гуманитарных ее разделов. Хотя, конечно, вопрос зачем вообще это делать остается открытым: если в дальнейшем своем рассуждении я прибегну к научным знаниям — то только из области литературоведения, и, в некотором смысле, философии культуры.

Не знаю, насколько такой подход окажется интересен хоть сколько-нибудь широкой аудитории, но, надеюсь, кого-то я смог заинтриговать?

МАГИЯ КАК СО-ТВОРЕНИЕ

Итак, в предыдущем тексте цикла я говорил о том, что весь наш мир, такой, каким мы его чувствуем и в каком живем — создан исключительно нашей верой, и с этих позиций, каждый человек — правомочный со-творец Мироздания. Однако для большинства людей их участие в каждодневном творении остается незамеченным: если можно так выразиться, «процесс веры» ими практически никак не контролируется. И в этом нет ничего плохого или постыдного, верить для человека — так же естественно, как дышать, и вовсе не обязательно контролировать каждый свой вдох и выдох, скорее в большинстве случаев это будет даже мешать.

Но «необязательно» не значит «невозможно». К примеру, при физических упражнениях, будь то бег или что-то еще, а также занятиях вокалом и игре на духовых инструментах умение дышать определенным образом может быть навыком крайне полезным и даже необходимым — и этим навыком, при должных тренировках, можно овладеть.

Аналогия, думаю, понятна: научится верить особым образом также возможно, и такая «контролируемая вера» и будет, собственно, магией. И действительно, если уж ты — как и остальные — со-творец мира, почему бы не подойти к действию более осознанно, или даже, хотя это и прозвучит претенциозно, более профессионально?

И нет ничего предосудительного в том, чтобы со-творя мир попытаться сделать его более приятным для себя или кого-то еще: сделать такой мир, в котором вдоволь тучных бизонов и зубы не болят, раз уж это тебе по силам. Конечно, тогда в полный рост встает вопрос ответственности, причины и следствия и понимания их связи, но любая деятельность влечет за собой последствия и требует ответственности,

и магическая работа — работа веры — тут не является чем-то особенным.

И если ты способен что-то сделать, и понимаешь, к чему это может тебя привести, и готов к ответу за содеянное, совет может быть лишь один — делай. Верь.

РИТУАЛ КАК ИСКУССТВО, МАГИЯ КАК ПРАВДА

Впрочем, конечно, легко сказать: «верь». Если зубы твои ноют от боли, как заставить себя по-настоящему — а иначе ничего не выйдет — поверить, что это не так, или скоро станет не так? Как вообще естественный процесс веры в мир и его свойства взять под контроль пусть даже ненадолго?

Этой цели и служит магический ритуал — любое символическое действие, на первый взгляд никак не связанное с объектом воздействия, во всяком случае — непосредственно, но свершаемое колдующим для достижение цели. Но как это работает? Мне ответ видится таким.

Примерно так же часто, как «магия — это наука», мы слышим и другое утверждение: «магия — это искусство». Хотя, справедливости ради, говорящий это, как правило, подразумевает особую сложность предмета и недоступность его «неодаренным», крайне редко поясняя, а что у магии и искусства общего по сущности? Меж тем, на общей их природе следовало бы остановиться подробнее.

Искусство, в числе прочего, разумеется, это как раз и есть способ заставить поверить. Поверить, в узком смысле аудиторию художника, в широком же — все Мироздание разом. Искусство есть способ описания и демонстрации реальности, но — любой реальности, даже если от начала до конца та порождена фантазией художника, в его произведении она предстает не менее живой и ощутимой, чем все, что вам было известно до того. Искусство есть умение ощутить дождь, даже если светит солнце, вселить искреннюю любовь или ненависть к придуманному человеку, умение солгав — на самом деле сказать правду.

Умение сказать правду, даже если речь идет о том, что солнце встает на западе и заходит на востоке, и отличает искусство от остальных видов человеческой деятельности, и в этом — его неразрывная связь с магией. В действительности, и то и другое родились когда-то из одного корня.

Таким образом, магический ритуал — это тоже искусство. Все физические элементы ритуала, инструменты магической работы — не что иное, как художественные тропы: красная свеча в ритуалах на любовь — аллегория, а сахар — метафора. Использование волос или фотографии для магического воздействия на человека есть очевидная метонимия. Работая с болезнью или болью в ритуалах исцеления — к примеру, уже упомянутой зубной боли — маг применяет поэтическое олицетворение, представляя болезнь в виде одушевленного злонамеренного существа, или всю тужу метафору — основной, по сути, художественный троп — изображая болезнь как червя. Структура самого ритуального действия имеет сюжет, подчиняется определенному ритму и выстраивается в законченную художественную композицию. Сам ритуал, таким образом, есть законченное художественное произведение, а маг — одновременно и автор, и исполнитель, и зритель. Впрочем, зрителей должно быть два: маг — и вся Вселенная разом.

И как в любом произведении искусства, все средства художественной выразительности в магическом ритуале служат одной цели — преодолеть барьер обыденного восприятия и заставить поверить, убедить в своей правоте. Убедить в первую очередь себя самого, но через себя как часть целого — и все целое в совокупности, иными словами — всё Мироздание.

И если означенная цель окажется достигнутой, вера в мир изменит мир, и все сказанное и сделанное в ходе ритуала окажется правдой — а значит, по сути, оно всегда было правдой, ведь когда мы работаем со всем миром разом, а иначе и невозможно, ведь все связано со всем, и заколдованные тобой бизоны и зубы это такая же часть

мира, как и всё остальное, временные рамки и границы уже не имеют смысла.

Следовательно, магия — как и любое искусство — есть умение говорить правду в том смысле, что сказанное оказывается правдой по итогу. Впрочем, можно сказать короче: магия есть умение делать правду.

И если в завершении текста еще раз вспомнить о «романтических» представлениях о магии как о некой духовной работе, то здесь, как мне кажется, становится довольно очевидным и «высший смысл» зачарованных бизонов и заговоренных зубов: если работая с ними, ты научишься быть не просто одним из многих со-творцов, а осознанным художником, демиургом, поэтом и композитором Мироздания, то, на мой взгляд, игра стоила свеч.

А свечи, как мы помним, не что иное, как метафора.

О ВРАЩЕНИИ КОЛЕСА, или о Вечности

6. Я верю в Круг-Колесо, как форму движения Вселенной и духа в ней.

Когда я только начинал свое знакомство с викканским учением и его мифологическо-ритуальным отображением, больше всего меня удивило отсутствие хоть сколько-нибудь внятного мифа творения. Ну, что-то вроде «была земля пуста и безвидна» или про бездну соленых вод, из которой бы кто-то вышел. Вернее, мифы-то конечно были, даже несколько, но все сплошь откровенно авторские (к примеру, вспомним миф творения Стархоук) и ни один из них не был в достаточной мере распространен, и — что главное! — не находил своего ритуального выражения. А миф без ритуала — это уже немного не то.

Викку как компендиум идей и концепций словно бы вовсе не интересует проблема «откуда есть пошло» что-либо. Вопрос начала — а значит, и конца — даже не стоит. Боги просто есть, мир просто есть, люди просто есть — и этого достаточно. И первым серьезным достижением на пути постижение своего учения и своей веры я для себя считаю именно момент принятия этой идеи: начала нет.

«МЫ КРУГ ВНУТРИ КРУГА»

С этой установки и следует начать разворачивать викканскую концепцию времени. Время, конечно есть; и оно

движется вперед: за Бельтайном неизбежно придет Лита, потом Ламмас, и так далее. И вместе с тем: времени нет: за Бельтайном ровно так же неизбежно последует еще один — тот же самый! — Бельтайн, потом еще один, и еще. Никогда не будет момента, когда новый Бельтайн уже не наступит, он всегда будет где-то впереди, и где-то позади. Разумеется, все то же справедливо и для любого другого саббата.

Итак, викка тотально циклична: единственная форма движения времени — это движение по кругу, а значит, время и движется, и нет.

По сути — этот великий и бесконечный Цикл, аллегорически отображаемый в образе Колеса, ни что иное, как один из возможных способов интерпретации идеи Вечности, к которой, так или иначе, обращаются большинство религиозных систем. Однако религии, пользуясь терминологией Ясперса, «пост-осевые», или «религии спасения», склонны представлять Вечность как бесконечно протяженную линию, что невозможно себе адекватно представить человеческим разумом, а посему, категория вечного — безначального и бесконечного существования, оказывается атрибутом исключительно божественной трансцендентной силы, но даже эта сила так или иначе действует во времени: она творит мир, и разрушает его, как бы ограничивая на своей прямой еще и некий конечный отрезок.

Викка же предлагает иной способ понимания Вечности, полностью доступный человеческому осознанию: это вечность не прямой, но кольца — круга, цикла. Такая Вечность оказывается одинаково присуща как Богам, так и человеку, разница лишь в «радиусе» окружности: ведь внутри любого круга можно начертить еще один, и он сам — как бы ни был велик — в свою очередь может быть заключен в больший круг.

Опять же, в русле идей «спасения» существует традиция трактовки подобных кольцевых структур в негативном ключе, как фатальных и пагубных ловушек, из которых необходимо «вырваться», «разорвать порочный круг» и тому

подобное. Однако куда предлагается вырываться? Очевидно, снова к бесконечному существованию в качестве прямой, или, вернее, луча — имеющего начало, но обреченного вечно стремиться в никуда. По сути, это ровно та же самая Вечность, но, на мой вкус, куда менее динамичная и куда более «фатальная» нежели движение в рамках Колеса.

Кроме того, цикличность времени в викке, на мой взгляд, есть наиболее архаичная и, если угодно, «языческая» ее компонента. Вспоминая Аристотеля: «неизвестно, до или после Троянской войны мы живем». Точно так же невозможно сказать, до или после Бельтайна живем мы. Движение по кругу, вне моментов творения и разрушения, вернее — постоянно возникая и разрушаясь, тот способ существования, который викка акцептировала из языческих представлений о мире невероятно легко и органично, и, по моему частному мнению, куда легче и органичнее, чем кто бы то ни был из тех, кто пытался сделать то же самое.

Мы — Круг внутри Круга, и в этом наша мудрость и наша вечность. Без начала и без конца.

О СУТИ ВРАЩЕНИЯ

В свете всего сказанного выше, возникает вполне оправданная мысль, что любая точка, указанная на круге, сущностно не отличается о любой другой точки. И это в некотором смысле действительно так, Колесо цельно и даже можно сказать — целокупно, и любой день, будучи элементом Вечности, тождественен любому другому дню.

Всё это так, но здесь мы опять сталкиваемся с ограничением нашего восприятия, обусловленным спецификой воплощенного — материального — существования живого человека. Невозможно полностью постигнуть Вечность, пусть даже отчасти осознав ее символически как круг. Сам способ нашего постижения чего-либо в обоих его вариантах — от общего к частному, и от частного к общему — требует динамики, восхождения или нисхождения. И Боги,

в неизбывной мудрости своей, сотворили наш мир таким, чтобы сама его структура и весь наш эмпирический опыт о ней могли бы служить живой метафорой наводящей на мысль о том способе, которым бы мы могли привести в движение этот непостижимый и недоступный образ: Колесо нужно вращать.

Вращение Колеса есть тот сценарий, тот алгоритм, тот нарратив что дает нам возможность пусть и не постигнуть его сразу, но находиться в процессе постижения, что уже не мало, учитывая, сколь слаб наш разум, и сколь грандиозна наша цель. Следуя вращению Колеса мы вместе с тем приобщаемся к нему, приобщаемся к Мирозданию, приобщаемся к Богу и Богине, приобщаемся к Единому.

Наши праздники — саббаты, это не просто памятные дни о каком-либо событии (свадьба Богов на Бельтайн не происходила в прошлом, она происходит прямо сейчас, она происходит всегда), и даже не собственно сами события (к примеру, солнцестояние или равноденствие, здесь эти астрономические явления служат скорее проекцией трансцендентного на материальное, и в то же время — проекцией материального на трансцендентное, но само фактическое положение солнца на небе имеет важность скорее символическую и иконографическую). Саббат — это указанная точка на круге, если угодно — спица Колеса, некий существенный элемент Вечности, доступный нашему пониманию, но в то же время, понимать — отмечать, праздновать — который мы должны раз за разом, ведь речь все еще идет о чем-то бесконечном и безначальном. Двигаясь от точки к точке на малом колесе годового цикла, мы получаем возможность полнее и прочнее принять движение по большому колесу — колесу нашей жизни, пройдя которое, в свою очередь, мы — наша бессмертная часть, во всяком случае — улавливаем суть движения по еще более масштабному циклу. И так, от спице к спице, от колеса к колесу мы продолжаем свое бесконечное устремления к центру Звезды, о которой я писал в самом начале этого цикла текстов. К сожалению, я затрудняюсь

описать это движение схематически и визуально, на ум приходит разве что движение по сходящейся спирали. Такой вариант имеет право на существование, спираль — древний и глубокий символ, не чуждый викканскому учению (вспомнить хотя бы «Спиральный танец» Стархоук), однако в данный момент подобная схема только все усложнила бы. Полагаю, две схемы — движения от периферии к центру, и движения от точки к точке по кругу — лучше не смешивать, и достаточно будет сказать, что и то и другое в целом — бесконечный путь.

О СПИЦАХ КОЛЕСА

Коль скоро я заговорил о точках, отмеченных на круге, каждая из которых являет нам некий элемент Вечности и Божественного доступный — ну, принципиально доступный, во всяком случае — нашему осознанию, мне, наверно, следовало бы остановиться на каждой такой точке — каждом саббате — в отдельности. Но в то же время я понимаю, насколько масштабной была бы такая попытка. Смысл каждого саббата, его символизм, содержание и урок, вероятно обширны и глубоки, и каждому из них следовало бы посвятить отдельный текст. И прими я решения взяться за эту задачу — пожалуй, я увяз бы в бездне рассуждений и образов, и подобный шаг не лучшим образом сказался бы на цельности и законченности моего теологического цикла, не говоря уже о том, что мне пришлось бы потратить на него куда больше времени, чем я располагаю.

Кроме того, довольно непросто писать о каком-то отдалённом саббате, находясь в это время в другой точке колеса. К примеру, всё и вся вдохновляет меня сейчас писать о грядущем — грядущем для меня, в то время, как я пишу эти строки — Ламмасае, но дыхания Йоля я сейчас не чувствую, и посему, пожалуй, у меня получилось бы гораздо больше и ярче сказать о Ламмасае, и куда как сдержанней и суше — о Йоле, что в рамках целостного рассуждения можно счесть провалом.

И, исходя из всего сказанного выше, я принял волевое решение не останавливаться на каждом из саббатов подробно. В сущности, не что не мешает мне обратиться к теме каждого из них потом — отдельно, в рамках обособленного текста, что я, собственно, уже делал раньше, и собираюсь повторять в дальнейшем.

Таким образом, сейчас я постараюсь рассказать о своем видении движения по колесу в общем, не углубляясь в каждый конкретный шаг.

Викканский литургический год есть ритуальное воплощение нашего центрального мифа — нашего мономифа, если угодно — мифа о всеобъемлющей и многогранной любви Богини и Бога к друг другу, и к нам — как Их детям, порождениям и отражениям. Бог и Богиня, две ипостаси непостижимого Единства, связаны неразрывно, и находят свою жизнь, свое движение и свою актуализацию друг в друге. Викканский миф — это история о последовательной смене Их модусов и аспектов, призванная рассказать о Них в той форме, в которой мы могли бы понять.

Важно иметь в виду, что все описанные в мифе события не происходили когда-то, они происходят прямо сейчас, на наших глазах, и более того, по сути — все события происходят единовременно, в каждую секунду актуальны они все сразу. Но меж тем, в каждый из саббатов некое событие и этой мета-истории, если можно так выразиться, «более» актуально для нас, живущих во времени.

Каждый саббат имеет глубокое и неоднозначное содержание. В каждом из них есть и праздник, и трагедия, если подойти к ним с нашими оценочными суждениями. Ни один из саббатов не лучше и не хуже других, и ни один из них так же не важнее прочих — все они равнозначны.

Через Бога наша Богиня сначала становится Матерью, затем — Невестой и Возлюбленной, затем Женой и Хозяйкой, и наконец — грозной Жрицей и Судьбой, обрывающей жизнь жертвы. Через Богиню же Бог рождается, взрослеет и погибает, чтобы продолжить существование

в новом качестве Бога Смерти, а потом — вновь родиться как Бог Жизни.

Этим Их взаимным метаморфозам следует и природа, как зримое воплощение божественной сути, расцветая и увядая, и, что важно для нас — этому же сценарию и следует и каждый из нас. Каждый саббат — это этап года, и вместе с тем — этап нашей жизни. Мы все — и Мать и Дитя Йоля, и Жених и Невеста Бельтайна, и Жрица и Жертва Ламмаса. Год от года проживая историю Бога и Богини мы также проживаем и свою собственную историю, постепенно постигая наше с Ними единство. Для каждого из нас грядет и свой Бельтайн, и свой Самайн.

В этом истинный смысл празднования саббатов — ощутить свою причастность Божественному, познать нашу общую природу.

Для этого нужно пройти годовой цикл.

И для этого нужно прожить жизнь.

А потом начать сначала.

СВОБОДА, ЛЮБОВЬ И МУДРОСТЬ, ИЛИ К ВОПРОСУ О ВИККАНСКОЙ ЭТИКЕ

7. Я верю в Свободу, Любовь и Мудрость
как единственные ценности жизни.

Признаюсь честно, мне немного страшно начинать писать этот текст. Рассуждать об ипостасях и эманациях — легко, о добре и зле — куда тяжелее, и цена ошибки куда выше. И вместе с тем, важность подобных рассуждений переоценить нельзя, вопросы этики — *sine qua non*, то, без чего ничего нет. В сущности, к чему мне знать об устройстве механизма, вращающего небесные сферы? Куда важнее знание, как с этим механизмом обращаться. Второе вытекает из первого, разумеется, но для нас — «конечных пользователей», да будет мне прощен этот ироничный оборот, второе все-таки актуальнее. Так что, чаша сия не минует меня. Пришло время поговорить о викканской этике.

Впрочем, не стану лукавить, мне также и радостно и приятно писать об этом. Вероятно, сходную радость испытывает математик, сталкиваясь с уравнением сложностью свое стоящей на грани его возможностей, или механик, получивший возможность «покопаться» в устройстве, придуманном гением. В сфере гуманитарного знания я не знаю вопросов, сложнее вопросов философии этики, и посему, обращаться к ним так волнующе.

Итак, мне страшно и радостно одновременно. Вероятно, прав был Рудольф Отто, указывая на амбивалентную природу состояний *mysterium tremendum* и *mysterium fascinans*.

И коль скоро мы говорим все же о религиозной этике, эпитет *mysterium* тут тоже очень к месту.

О СОВЕТАХ И СОВЕТЧИКАХ

При всей заявленной сложности вопроса, совершенно очевидно, с чего нам следует начать рассуждение о викканской этике. Определенно, это так называем «викканский совет», он же — «викканское наставление», и, более того, иногда даже называемый «викканским кредо»: «Делай что пожелаешь, если это никому не вредит».

Первое, на что в этом контексте следует обратить внимание, это то обстоятельство, что наш совет — это именно «совет», а не заповедь или догмат. Наставление — это не категорический императив, и речь в нем идет не том, как нужно или не нужно поступать, а о том, как следовало БЫ поступать. Именно так, в сослагательном наклонении. Обращаясь к языку метафор, совет — не судья, а учитель, не тюремщик, а друг, не цепь, а лодка, весла от которой всегда в руках у тебя самого. Совет предлагает тебе некий дар, но принять его или нет — только твое решение.

И, кроме того, во всей викке нет, никогда не было, и, если она останется виккой, никогда не будет некоего авторитета, могущего вынести определенное и однозначное решение, нарушил ли ты совет, или нет, и если нарушил, что тебе за это будет. Конечно, те или иные викканские группы могут выдвигать свои трактовки наставления, и ставить условием присоединения к оной группе принятие и данной трактовки, но в любом случае, в глобальном смысле ты сам всегда будешь сторожем самому себе, и ключи от твоей совести будут только у тебя в руках.

Посему, стоит озвучить мысль, очевидность которой и так уже должна быть всем понятна: весь нижеследующий текст — это только моя трактовка викканского совета. Разделять ее, спорить с ней или с порога отвергать — решение читателя.

Далее, я хотел бы поговорить о тех способах, которыми обычно трактуют наставление. Или, если точнее, об одном способе, который мне представляется в корне неверным.

Почему-то многие свято уверены, будто совет — это негативная установка. Вот есть христианские заповеди — «не убий», «не укради» и так далее, а есть викканская заповедь — «не навреди» (полноте, не путаете ли вы совет с клятвой Гиппократата?). И вследствие того, как правило, все рассуждения о викканской этике в итоге сводятся к вопросу о вреде: что считать вредом, а что не считать, почему виккане не приемлют порчу и приворот, вернется к тебе причинённый вред или нет, и так далее.

Меж тем, лично мне подобный маневр видится фантастическим и абсолютно недопустимым упрощением. Совершенно явственно, что викканское наставление — не негативная установка, а позитивная: не «не делай», а «делай». Посему, рассуждения надо начинать с того, что нужно делать, а не что не нужно. Концепция вреда при таком раскладе уходит на второй план, и это справедливо, потому как, после веков существования философии этики и множества трудов, написанных по этой дисциплине, предельной сложности в ней нет: достаточно вспомнить «золотое правило этики», и много сразу станет понятно.

Поверьте, вопреки обыденному взгляду, «делать что пожелаешь» куда сложнее, чем «не вредить», и поиски ответа на вопрос «чего ты хочешь» займет у вас гораздо больше времени, чем «как не вредить». Именно в этом позитивный — но почему-то для многих неочевидный — посыл наставления: тебе следовало бы делать только то, чего хочешь именно ты. Именно ты — а это значит, ты должен сначала понять, кто ты, произвести фундаментальную операцию «Азм есмь», а затем — понять, что значит «я желаю». И это куда как непросто.

Но только тогда, когда ты сделаешь это, ты получишь возможность спроецировать свое «Я есть и я желаю» на Другого, и исключительно таким образом ты сможешь понять, что значит «вредить»: мешать Другому сделать то,

что сделал ты. И при том, не отождествляя его с собой и навязывая ему свои желания, но полностью принимая его самостоятельное «Я есть» со всеми вытекающими.

Именно такой мне видится суть викканского наставления:

1. *Познай самого себя и поступай в соответствии с тем, что познал* («делай, что пожелаешь»);
2. *И Другому позволь познать себя и поступать в соответствии с этим* («если это никому не вредит»).

Не больше, не меньше. И коль скоро, как уже было сказано, этот посыл видится мне позитивным, а не негативным, оправданным кажется вывод, что в контексте рассуждений о викканской этике следовало бы больше говорить не о пороках и грехах, но о добродетелях, не о том, что нельзя и что плохо, а том, что можно и хорошо. Именно эти я сейчас и займусь, стало быть.

Всего основных викканских добродетели я могу выделить три, и они перечислены в моем символе веры: это Свобода, Любовь, и Мудрость. Только обладая тремя этими качествами, как я полагаю, ты можешь полностью следовать викканскому наставлению, и именно их должен стремиться обрести викканин, чтобы быть «хорошим». Символически их можно сопоставить с тремя ликами Богини — Свободу с Девой, Любовь с Матерью, а Мудрость со Старицей, и в этом, так сказать, «теологический смысл» викканской этики. В трех своих ипостасях Богиня преподносит нам урок, и, принимая Ее дар, мы тем самым и сами уподобляемся Ей и приобщаемся к Божественному.

В виде лозунга это можно было бы сформулировать так: «Будь свободен, как Богиня, люби, как Богиня, и делай это мудро, как Богиня». Впрочем, особой необходимости в лозунгах я не вижу, куда важнее понять, что означают эти слова. Что же, свое мнение касательно этого вопроса я и постараюсь сейчас изложить.

О СВОБОДЕ

Из трех означенных добродетелей именно Свободу я помещаю на первое место, поскольку вижу ее началом всякой эволюции духа. Большинство склонно трактовать термин «свобода» как «право делать всё, что хочешь», но в данном контексте я вкладываю несколько иной смысл в это слово.

Я полагаю, что сама по себе Свобода — это, в первую очередь, не про «делать», это про «быть». Да, Свобода — это право, а также возможность и способ сказать «Я есть Я и ничто иное». Право не отождествляться и не быть отождествленным, право быть субъектом действия, а не объектом.

Любое действие, любое движение — и в том числе движение духа, предполагает под собой совершающего, и обрести в себе самом актер движения и действия — это есть Свобода.

Иными словами, если ты несвободен — тебя нет. Совсем. И неважно, что есть вместо тебя, с чем ты отождествлен и в чём ты растворен: твой род, твой бог, твой народ или другая группа — тебя самого при этом не существует, а значит, нет и движения, нет развития. Аналогичным образом, отрицая растворение в чем-то внешнем, Свобода отрицает также сведение к чему-то внутреннему, к примеру, отождествление себя с какой-то одной своей эмоцией, чувством или идеей. Чтобы стать свободным, нужно отделить себя как от внешнего и большего, так и от внутреннего и меньшего.

И вопреки устоявшимся оборотам речи, Свободу невозможно получить от кого-то или чего-то, источником своего освобождения всегда будешь только ты сам. Собственно, найдя в себе это «сам» ты и станешь свободным. При этом, внешние обстоятельства твоей жизни играют роль сугубо второстепенную: хоть это и сложнее, но свободным может быть и раб на стройке пирамид, и узник в концлагере, если ему удастся найти самого себя в самом себе и не впустить в свой Внутренний Храм захватчиков и осквернителей.

Тщательно очистив свое «Я» от всего, что «не-Я», ты обрешь Свободу, и только после этого ты получишь возможность сделать следующий шаг.

О ЛЮБВИ

И таким шагом я считаю вторую добродетель — Любовь. У прочитавшего предыдущий пункт этого текста может сложиться впечатление, будто я сейчас проповедую тотальный эгоизм и абсолютную атомарность, но отнюдь. Странно было бы ожидать от меня такого, буде в самом начале этого цикла я рассказывал о фундаментальном единстве Всего. Просто вместо растворения, сиречь разрушения и небытия, я предлагаю соединение. И Любовь — есть способ такого соединения.

В безумии своем, многие склоны считать Любовь желанием обладать чем-то или кем-то. Конечно же, это не так. Она есть второй шаг развития духа, продолжение движения: обретя самого себя в себе самом, ты обретаешь Другого в Другом. Признав себя равным себе, ты делаешь то же самое и для кого-то еще, не отождествляя и не сводя его к чему-то большему или меньшему, внешнему или внутреннему. И уж конечно, не растворяя его в себе, и не растворяясь в нем сам.

Любовь — признание субъектности Другого, также как Свобода — признание своей субъектности. Полюбить — значит понять кого-то во всех аспектах его «Я» и принять его «Я» как равновеликий и равноценный тебе феномен. Мне представляется очевидным, что это невозможно сделать, не обретя для начала свое собственное «Я», вот почему Свободу я поместил на первое место.

Однако если ты сделаешь первый шаг, а затем второй, перед тобой откроются невиданные доселе перспективы. Слияние и взаимное поглощение двух капель воды дают на выходе всего лишь еще одну каплю, просто немного большего объема. В то время как соединение, к примеру, двух

атомов водорода рождают молекулу, и это уже качественный переход, следующая ступень организации.

Любовь есть такое соединение двух равновеликих субъектов, рождающее нечто принципиально иное, недоступное любым другим деструктивным способам взаимодействия.

Что еще важно тут понять, так это то, что невозможно полюбить кого-то усилием, нельзя «выдавить» из себя Любовь. Ты не должен пытаться полюбить кого-то специально, и даже тех, кого, казалось бы, тебе любить «положено», скажем, родителей или соплеменников. Если Свобода всегда проистекает из тебя самого, то Любовь может только прийти извне, в этом-то и весь смысл. Ты можешь только подготовить себя к ее приходу, открыть ей ворота и попытаться обеспечить условия ее появления, но не создать ее саму. Познай себя, затем пытайся познать Других, и, рано или поздно, если ты все сделал правильно, ты увидишь рядом со своим миром еще одну вселенную, не менее величественную и прекрасную чем все, что ты знал до этого. Это и будет Любовь.

А сделать всё правильно тебе поможет третья добродетель.

О Мудрости

Если представить Свободу началом движения, Любовь — продолжением и вектором, то Мудрость — это своего рода итог. Обрести Свободу значит понять и принять себя, обрести Любовь — понять и принять Другого, а обрести Мудрость — понять и принять Всё.

Но в то же самое время, Мудрость это и способ сделать два первых шага. В этом её парадоксальность: она и обеспечивает движение, и является его итогом. Возможно, здесь будет уместно сравнение с магнитом: он есть источник движения к себе же.

Если Свобода проистекает изнутри, Любовь извне, то Мудрость отовсюду сразу, и в то же время ниоткуда, она просто появляется. Невозможно обрести Мудрость не познав

Свободу и Любовь, но в также невозможно их познать, не будучи устремленным к Мудрости.

Одно из самоназваний викики это «Путь Мудрых». Я согласен с этим определением, но склонен полагать его не претенциозной констатацией, а скорее заявленной целью: обретение Мудрости есть то состояние, к которому следовало бы стремиться викикину.

Мудрость невозможно получить от кого-то или передать кому-то, она рождается по совокупности всего сделанного тобой, и проистекает из того, насколько ты понял и осознал всё, что сделал. Конечно, вполне можно попытаться помочь кому-то с этим процессом или попросить помощи для себя, но таковая помощь будет не полезней указания пальцем в нужном направлении для путешественника: пройти весь путь ему всё равно придется самому.

В узком смысле, Мудрость есть способ жить, избегая страданий, или точнее — будучи неуязвимым для страданий. Для этого нужно понять, как устроен мир, и ты — как элемент мира, осознать зависимость последствий от причины, и следствием чего в свою очередь являются сами эти причины. Всё это нужно понять, но так же и принять: всегда будет то, что ты можешь сделать, и ты волен делать, но также и то, в чем ты не властен, и с этим нужно научиться жить.

В широком же смысле, Мудрость — это мистическое состояние осознания Всего, смещение с периферии Звезды максимально близко к ее центру, ощущение единства — ощущение Единого в себе и себя в Нем. Такое состояние должно являться целью всех твоих духовных практик, хотя бы уже потому, что невозможно представить себе цель более труднодостижимую, а посему могущую обеспечить тебе наиболее полную эволюцию. Остановка движения есть смерть, а чтобы оно не останавливалось, нужно двигаться к той единственной цели, которую почти невозможно достичь.

Хотел бы я сейчас рассказать, что конкретно нужно сделать, чтобы обеспечить себе это движение и эту эволюцию. Но, увы, я этого не знаю, и полагаю, никто не знает, кроме

тебя самого. Всё, что я могу, это попытаться немного помочь, сиречь — указать пальцем в сторону, что кажется мне правильной.

Я могу попытаться дать совет:

Делай, что пожелаешь, если это никому не вредит.

О НАИМЕНЬШЕМ ИЗ НАИМЕНЬШИХ В ВЕЛИЧАЙШЕМ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ, ИЛИ О ВИККАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

8. И я верю в себя,
как единосущного всему,
во что я верю.

Любой человек, имеющий отношение к написанию текстов, знает, что иногда самое трудное — сказать первое слово, начать. Впрочем, иные могли бы и возразить, что написать последнее слово порой не менее трудно. А сейчас же передо мной стоит задача двойной сложности: начать разговор о конце.

Этот текст — восьмой и последний в моем теологическом цикле. Я начал его с рассуждений о Едином Божественном — величайшем из величайших, вмещающем в себя всё, что есть, чего нет, и что могло бы быть, потом поговорил о Боге и Богине — предельных образах божественности доступных ограниченному разумом, затем поделился своими мысли о множестве ликов божественности в ее конкретных и более близких воплощениях. Теперь же мне осталось сказать о последнем из сущих, о мельчайшем из мельчайших, о точке, замыкающей Круг Мироздания — о живом человеке.

ЕЩЁ РАЗ О ДВИЖЕНИИ К ЦЕНТРУ

И приступить к этому повествованию мне следует с того же, с чего мой цикл начался: с системы Звезды. Многолучевая (если бы было такое слово, я бы сказал — «бесконечнолучевая»)

звезда — моя метафора, визуальный образ, в виде которого я представляю себе Всё: всё Мироздание, и всё, что вне его. Центр Звезды — Единое Божественное, источник и итог всякого бытия, первое семя и всё из него произросшее одновременно. На острие же каждого из лучей Звезды я помещаю конкретного человека, любого из живущих, живших или будущих жить.

Духовная жизнь, духовная работа, общение с сакральным и приобщение к нему — бесконечное движения с острия луча — к центру Звезды. Устремление это есть путь от предельно конкретного — «этот человек в этот момент времени», «я здесь и сейчас» — ко всё более и более универсальному, общему и вневременному. Каждый новый образ, встречаемый на пути — дух, бог или Бог — есть нечто более масштабное и глубокое, пока наконец в краткий миг предельной экзальтации мы не получаем возможность прикоснуться к Тому, больше которого нет ничего.

Но что главное нужно знать о Звезде — на самом деле она монолитна. Каждая ее точка, и не важно, как далеко она отстоит от центра, есть часть целого и в какой-то степени тождественна любой другой точке. Абсолютное Единое творит Вселенную проявляя себя во всё более и более конкретной и локальной форме, потому что как еще может она может быть сотворена, если кроме Единого нет и не будет ничего? И каждая из означенных форм, насколько бы меньше она не была в сравнении с изначальным Абсолютом, есть всё то же Единое.

Справедливо и обратное: живущий человек — предельная конкретность, начиная познавать себя во все более и более универсальном и обобщенном виде, сначала вместе с самим собой до и после конкретного момента, потом со всеми остальными людьми, а потом и со всей вселенной разом, находит в себе всё большую глубину и в каком-то смысле повторяет процесс творения в обратном порядке, от частного — к общему.

В четвертом тексте цикла я уже касался идеи, что

каждый из нас в какой-то степени бог, и, более того, все боги сразу, потому что каждый содержит в себе универсальные образы — архетипы, если угодно, которыми и являются боги (можно сказать и иначе: боги в нас проявляются как архетипы). Каждый человек так же может в определенный момент времени актуализировать в себе один из содержащихся в нем архетипов и в каком-то смысле стать «более» богом, одним из богов. Найдя и осознав в себе все эти образы, что, конечно, задача невероятно трудная, но принципиально исполнимая, можно перейти на «следующий уровень» и уподобиться Богу и Богине во всем их величии, став их воплощенной манифестацией — примерно это, в идеале, должно происходить в рамках ритуала со жрецом. Но тут важно понять следующий момент: «стать» в данном контексте, не «превратиться» и уж тем более не «занять место», «стать» следует читать как «проявить», «позволить воплотиться в себе».

По сути все, что нужно сделать для этого — на время преодолеть свою конкретность и локальность, осознав и приняв себя как часть и проявление чего-то более общего, сделать шаг от своего «Я» к «Высшему Я». И тогда оно сделает шаг навстречу.

ОДИН В ЧЕТЫРЕХ

Рассуждая о таких сложных и спорных вещах как единоприродность человека и Божественного я вынужден в который уже раз напомнить об очевидной парадоксальности всей своей метафизической картины мира. Применительно к предмету разговора необходимо указать на некоторое допускаемое мной противоречие в вопросе о границах между «Я» и «не-Я»: хотя границы эти в известной степени иллюзорны и обусловлены ограниченностью нашего восприятия, в то же время, очень важно четко понимать, где оные границы пролегают. И, коль скоро сейчас я говорю о человеке, следовало бы сказать о таких иллюзорных, но от того не менее важных границах внутри самого человека.

Я склонен полагать, что очень многие совершенно неправильно проводят границу между физическим телом человека и его душой, отдавая на откуп последней абсолютно всё в рамках сферы ментального, эмоционального и прочего «внутреннего». Мне картина видится несколько более сложной.

Многие знают, что, к примеру, египтяне выделяли в человеке не одну, но несколько душ. В то же время различные течения в индуизме говорят о нескольких телах разной степени материальности. Мне же ближе всего четырехчастная «схема деления человека», каждый элемент которой можно в равной степени назвать и одним из тел, и одной из душ, принципиально это картину не изменит.

Первый элемент — «физическое Я», то, что мы воспринимаем в качестве своего физического тела, материального аспекта нашего существования, данное нам для комфортного взаимодействия с физическим миром.

Второй — «ментальное Я», наша личность во всей совокупности ее проявлений — мыслей, представлений, эмоций, чувств и памяти обо всем перечисленном. Всё то, что мы сами называем собой, но лишь в пределах доступного нам каждодневного осознания. «Я здесь и сейчас» — это «метальное Я», и как физическое тело существует для взаимодействия с физическим миром, ментальное мы используем для операций с миром идей и образов. Грубо говоря, «физическое Я» — вилка для твердой пищи, а «метальное Я» — ложка для жидкой.

Третий элемент — «тенивое Я» — «темное» и разрушительное начало нашего существа, титаническая часть нашей природы, если обратиться к образам орфиков. Я писал уже о теневых аспектах Бога и Богини в соответствующем тексте, но у каждого из нас есть точно такая же тень — свои собственные Темная Мать и Великий Дракон. Как правило, эта часть нашего существа не осознается нами постоянно, но проявляется спорадически, принося с собой хаос и разрушение. В этом свете очень велик соблазн описать «тенивое

Я» в образах христианской «испорченной грехопадением» человеческой природы, но, конечно же, все иначе: наша тень занимает в нас законное и оправданное место и служит источником нашей силы в те моменты, когда нам нужна сила. Она — своего рода оружие, которое должно использовать для защиты, но трудно справиться с искушением использовать ее и для нападения.

И наконец, четвертый элемент — то самое «Высшее Я», наша божественная часть, проявление Единого в нас, бессмертный эйдос, не умирающий, но многократно рождающийся. Как и тень, «Высшее Я» не осознается и не чувствуется нами постоянно, но становится доступным в моменты прикосновения к сакральному, ведь оно есть именно то, чем мы к оному сакральному и прикасаемся. Наше «Высшее Я» — бог в каждом из нас, и оно знает язык богов и с богами же и говорит.

Соединение всех четырех элементов являют нам живого человека. Все четыре строго необходимы, нет никого, не обладающего хоть одним из «Я», но в каждом из нас они проявлены по-разному. У большинства доминирует «ментальное Я», и это, в общем-то, правильно и логично, до тех пор, пока мы не начинаем приписывать ему функции остальных трех.

Ни от одного из них нам не следует отказываться (да это и невозможно), или как-то «подавить», во всяком случае, до тех пор, пока мы живы. Но каждое из четырех следовало бы осознать, понять и принять, и научиться ими правильно пользоваться, не пытаясь «хлебать суп вилкой». Все четыре слиты неразрывно в нашем существе, и, по сути, границы между ними эфемерны и неважны в большинстве случаев. Но всё же, нужно знать, где они пролегают.

И каждое из «Я» есть проявление того или иного аспекта Мироздания и является его частью: физическое — материального мира данного нам в ощущениях рецепторов, метальное — мира идей и абстрактных образов, теневое — сферы диалектических противоречий и конфликтов, а высшее — божественной сути Вселенной. Подобно тому, как

физическое и метафизическое, темное и светлое, верх и низ сливаются в Единый Абсолют, четыре наших Я сливаются в единого человека.

В этом смысле, каждый из нас — Вселенная, модель Вселенной и часть Вселенной одновременно.

О СМЕРТНОМ И БЕССМЕРТНОМ

И как бы тавтологично это не звучало, в завершении логично было бы сказать о конце. Неоднократно в своих текстах я использовал определение «живой человек», «живущий человек» и прочие, но что будет после того, как он перестанет быть «живущим»? Применимы ли все мои концепции к человеку умершему, и что вообще значит «умереть» в данной парадигме?

Вопросы посмертного существования — краеугольный момент любой религии. И викка, делающая такой сильный акцент на земной жизни, от этих вопросов также несвободна. Оговорюсь сразу: конечно же, я не знаю, что будет после смерти. Открою секрет: никто из живых не знает. Все, что я могу, это попытаться логически вывести этот момент из всего уже сказанного.

Определенно, я полагаю, что смерть — это не конец. В глобальном смысле. Но все же это конец для чего-то, иначе бы ее не назвали смертью, и она не была бы так важна. Я сторонник концепции многократной реинкарнации, но как ее понимаю, следовало бы сказать подробнее.

Актером многократных перерождений я считаю «Высшее Я» и только его. Смерть — это прежде всего смерть нашего физического тела, тот момент, после которого оно перестает быть собственно «нашим» и возвращается в природу как совокупность веществ, каждое из которых ждет какой-то особый путь, от наших желаний уже никак не зависящий.

Однако это также и смерть нашего «металльного Я», поскольку с физическим оно связано неразрывно. Нейроны нашего мозга перестают предавать сигналы, и на этом наше

мышление — в том виде, в котором мы к нему привыкли — заканчивается. Смерть — это конец нашей личности такой, какой мы осознаем ее сейчас.

Я затрудняюсь сказать, что происходит в этот момент с нашей тенью, но, вероятно, она также растворяется в мире теней, как физическое тело растворяется в природе.

Но наше «высшее Я» — бессмертно, как бессмертно всё божественное. Момент гибели для него — всего лишь переход в иное состояние. И тут важно понять одну вещь: «высшее Я» — это не наша личность, личность — это «метальное Я». Наша бессмертная часть — это не тот человек, которым он себя ощущает и осознает при жизни, ведь при жизни он четыре «Я» вместе, а после смерти останется лишь одно.

Одно, но, в сущности, оно-то как раз все еще будет нашим, в отличие от первых трех. Да, это опять парадокс: ты умрёшь и исчезнешь, но ты не умрешь и не исчезнешь. «Высшее Я» запомнит и примет в себя всё, частью чего оно было при жизни человека, иначе, зачем оно вообще воплощалось? А потом оно родится еще раз, и это будет уже совсем другой человек, на 75%, да прощен мне будет этот формализм, состоящий из других «Я», но где-то в глубинах его божественной сути останется скрыта и твоя жизнь, и все предыдущие, подобно тому, как в каждом боге-архетипе содержатся и все люди-носители архетипа (и наоборот), а в Боге содержатся все боги (и, опять же, наоборот).

Возможно, новое рождение произойдет не сразу. Может быть, «высшему Я» потребуется некий период покоя, чтобы усвоить и понять весь полученный опыт, и интегрировать его в совокупность опыта, полученного до этой жизни. Потенциально, это процесс не менее увлекательный, чем сама жизнь, и тут как нельзя кстати вспоминаются концепции некоего посмертного места — в викке это место называется «Страна Вечного Лета» — где «высшее Я» могло бы подготовиться к возвращению в мир.

И, в общем-то, картина вырисовывается не такая уж и печальная: твое тело продолжит существовать как часть

природы и часть других тел, твоя личность — как идея и образ в головах тех, кто тебя помнит, а твоя божественная суть вообще никуда не денется, и останется навеки причастной тебе (хотя, и не только тебе), а ты, через нее, причастным Единому Божественному.

Но всё равно, конечно же, смерть это страшно, тут нельзя юлить. Та форма, в которой мы продолжим существовать, не имеет почти ничего общего с тем, как мы существуем сейчас, и переход будет болезненным, как болезненно любое изменение чего-то устоявшегося и привычного к чему-то принципиально новому. Полагаю, сравнить это переход можно только с переходом рождения.

И существует также способ облегчить эту боль: готовиться к смерти разумно уже при жизни. Для этого нужно уже сейчас пытаться сместить вектор восприятия с «ментально Я» на «Я» высшее. Осознать себя не как смертное существо с бессмертной частью, но противоположным образом, как бессмертное со смертной. Наверно, это прозвучит сейчас странно, но, я думаю, бессмертию можно научиться.

Как? Учиться у бессмертных, конечно. Общаясь с богами и Богами, мы каждый раз как бы напоминаем себе, что есть что-то еще, кроме той жизни, к которой мы привыкли. Что можно существовать еще и как-то иначе, не имея своего тела, но используя весь мир как тело, не буди заключенным в рамки своей личности, но осознавая себя как Всё, и Всё — как себя.

И если мы все поймем правильно, и начнем движение от периферии Звезды-Вселенной к её центру, с каждым новым шагом всё полнее и глубже осознавая и принимая свою причастность Божественному, открывая Его в себе, а себя в Нём, в какой-то момент, нас будет уже не остановить.

И даже смерть не остановит нас, но лишь ускорит.

ЧАСТЬ II

ГИМНОГРАФИЯ

ПРЕАМБУЛА

Возможно, кому-то это покажется хитростью, или даже ленью, однако я вынужден сказать прямо и без экивоков: во второй части этой книги речь пойдёт ровно о том же самом, что и в первой.

Буквально, здесь я хочу ещё раз — с самого начала — пересказать содержание своей теологической модели по тем же самым пунктам. Но, на этот раз, другим языком.

Да, в этом главное отличие второй части от первой: там я говорил языком классического, формального повествования, а здесь хочу обратиться к языку образов, чувств и устремлений, или иначе — к языку религиозной — викканской — гимнографии.

Каждый пункт моего символа веры, каждый текст предыдущей части, сейчас я постараюсь проиллюстрировать одним (или больше чем одним) литургическим текстом — молитвой, гимном или иным, жанр которого определить я затрудняюсь.

Ведь действительно, религиозная гимнография — источник знаний о данной религии не худший, а может быть и лучший, чем формальное теологическое описание. К примеру, содержание религиозных представлений древних индийцев ведического периода мы узнаем по большей части из гимнов Ригведы. Почему бы и мне не обратиться к этому языку? Быть может, для кого-то он окажется даже понятнее.

Каждый из нижеследующих текстов был написан мною, в разное время, и с разной степенью активности используется в моей жреческой, и, что важнее, личной викканской практике.

Может оказаться так, что кто-то из читателей также

найдет для себя возможным использовать их в своей духовной работе, и это было бы для меня крайне лестно. Пожалуй, на данный момент, это единственное «практическое» средство, какое я способен предложить кому-то для достижения тех религиозных задач, о которых шла речь в предыдущей части. Впрочем, конечно же, я и не думаю настаивать на этом предложении. Повторюсь, основной смысл публикации этих текстов — иллюстративный.

Если же они вдохновят кого-то на нечто большее, чем простое знакомство с их содержанием — что ж, значит, мне удалось зайти даже дальше, чем я планировал.

I. О ЕДИНОМ

МОЛИТВА ЕДИНОМУ ПЕРЕД НАЧАЛОМ РИТУАЛА

Вне всякого бытия, присущее всему,
Единственное, Единое, Непостижимое!

Ты нигде, ибо Ты — место,
Ты никогда, ибо Ты — время,
Ты не бог, ибо через Тебя боги божественны,
Ты ничто, ибо кроме Тебя ничего нет.

Говорить мне от рождения и до смерти,
Но не произнести имени Твоего, ибо оно —
имя имён, природа вещей, начало и итог.

И силой этого невыразимого слова,
Я начинаю свой ритуал,
Нигде и никогда, всюду и всегда, здесь и сейчас!

II. О БОГИНЕ И БОГЕ

Гимн ТРИЕДИНОЙ БОГИНЕ

Ты, кто Бела, Красна и Черна.
Ты, кто была, есть и грядет.
Трижды подниму глаза к небу,
Трижды увижу Тебя — иную!

Вижу: влево обращен Твой лик,
Вечноюная Дева, всадница на белоснежной кобылице!
Вижу: ко мне обращен Твой лик,
Всеблагая Мать, царица в багряном покрове!
Вижу: вправо обращен Твой лик,
Многомудрая Старица, жница с темными думами!

Обернусь назад — и вспомню:
Ты открыла мне Врата, и я пришёл.
Закрою глаза — но увижу:
Ты ведешь меня, и я иду.
Посмотрю вперёд — и предчувствую:
Вновь распахнешь предо мной двери, и я уйду.

Ибо Ты еси Судьба:
Тобой пою — Тобой безмолвствую,
Тобой смеюсь — Тобой скорблю,
Тобой люблю — Тобой трепещу,

Тобой ныне жив — Тобой буду мёртв.

Нашей общею Волей,
Нашей единой Природой,
Да будет так!

Гимн Богу Жизни

Господь мой, древний Охотник, в короне оленьих рогов,
Что копьем, чей наконечник из кремня, поразил предвечного
вепря!

Отец мой, гривастый Шаман, что бьётся в экстазе вещего танца
Там, где вертикальная ось навеки скрепила небо и землю!

Брат мой, юноша-Странник, в венце из лозы виноградной,
Со смолистой сосновою палкой, что в равных долях замешал
Безумие с прозрением!

Друг мой, звероногий Флейтист, истекающий страстью, как
потом,
Чья сиринга так томно стенает и плачет от касаний Твоих,
Что зависть рождает в душе услышавшего!

Ты, тысячеокий Ангел-Павлин,
Зеленкудрый Владыка тайных чащоб,
Златодланный Царь-Триумфатор в своей колеснице,
Что я, ослепленный, считаю за солнце!

Ты, Герой-Змееборец, Жеребец Белотельный,
Телец меднорогогий!
Да прольется семя Твое над каждою пашней,
И каждый колос да нальётся светом Твоим!
И каждое сердце да воспыхает огнём живородным,
От Тебя снизошедшим, и силы дающим путь продолжать!

Нашей общею Волей,
Нашей единой Природой,
Да будет так!

МОЛИТВА БОГУ СМЕРТИ

*(должно совершать в темное время года,
или же в темное время души)*

Темноликий Господь,
Погибший, но не умерший.
Первая Жертва, до мира свершенная,
И ежегодно свершаемая!
В Глубины сошедший,
Вождь павших,
Водитель ушедших,
Царь Иных Мест!

Ныне во тьме обретаясь,
Страстно взываю к Тебе!
Не оставь одиноким во мраке,
Не покинь в часы скорби.
Будь мне поддержкой и утешением,
Приди на подмогу, протяни свою длань!

А на Рассвете,
Когда из Глубин снова в Горние Выси вернешься,
Молю, с собой заberi.

Нашей общею волей,
Нашей единой природой,
Да будет так!

III. О БОГАХ

МОЛИТВА КО ВСЕМ БОГАМ

От горизонта до горизонта,
Выше звёзд и ниже дна океанов,
В глубинах своей души и в смертном забвении:
Нигде мне не быть одному!

Матери и Цари,
Громовержцы и Стреловержцы,
Любовницы, Пастухи, Чародеи,
Податели Истины и Лжецы!

Куда ни посмотрю — вижу Вас!
Куда ни ступлю — буду с Вами!

Вашиими словами говорю, ибо не знаю иных слов,
Вашиими путями иду, ибо не вижу иных путей,
Вашей силой свершаю, ибо нет у меня иной силы.

Все, кто боги.
Все, кто мир.
Все, кто я.

Благословите, и будьте благословенны.

IV. О ВЕРЕ

СЛОВА О ВЕРЕ

В начале не было ничего, но пришёл Некто,
и призвал небытие к Бытию.

Я был там, я видел, я верю.

И плавало Яйцо в водах, но пришёл Некто,
и расколол его на Небо и Землю.

Я был там, я видел, я верю.

И царили везде хлад и скорбь, но пришёл Некто,
и принёс Огонь.

Я был там, я видел, я верю.

И что мне речи невежд,
Что мне клевета злонравцев,
Что сомнения смятенных?

Ибо верую я, а они трепещут, ибо тверже кремня
моя вера, ибо со мной она от утробы и до могилы.

Я был там, я видел, я верю:
Пришёл Некто и не уйдёт уже никогда.
Ибо Сам — и есть Вера.

V. О МАГИИ

МОЛИТВА О БЛАГОСЛОВЕНИИ ЧАР

*(свершать перед началом
или по окончанию магической работы)*

Две дороги легли крестом,
И сомкнулись четыре горизонта.

В сердце сердец встал мраморный столп,
И слилились три мира в один.

Зову тебя, Богиня Перекрестков,
Делающая мир единым, и молю:
Благослови мои чары!

Зову тебя, Бог Мировой Оси,
Уподобляющий всё всему, и молю:
Наполни работу мою своей силой!

Пусть часть станет целым,
Пусть цвет станет смыслом,
Пусть знак станет сутью!

В каждом слове моём — весь мир,
В каждом жесте моём — весь мир,
В каждой мысли моей — весь мир!

Нашей общею Волей,
Нашей единой Природой,
Да будет так!

VI. О ВЕЛИКОМ КОЛЕСЕ

МОЛИТВА НА ЙОЛЬ

Радуюсь Тебе, ибо ведома мне Твоя Мать.
Она — Ночь Ночей,
Царица в темнейшем пеплуме,
Несотворенная и предвечная,
И Ты — Её дитя.

Радуюсь Тебе, ибо ведом мне Отец Твой.
Он — Чёрный Козерог,
Владыка растворяющий и сгущающий,
Тень всего бывшего,
И Ты — Его дитя.

Сын Отца своего, чадо Матери своей,
Радуюсь тебе, ибо Ты — во всем иной:
Пламя, воспылавшее на углях!
Свет, грядущий из тьмы!
Жизнь, рожденная из праха!

Мой Новорожденный Бог,
Ведь Ты — Дитя,
И не смею просить о силе,
Но сам обещаю быть сильным для Тебя!

Ведь Ты — Дитя,
И не смею просить о мудрости,
Но сам обещаю быть мудрым для Тебя!

Ведь Ты — Дитя,
И не смею просить о любви,
Но сам обещаю любить для Тебя!

В миг Твоего рождения,
Что суть первый рассвет года,
И начало нового мира,
Лишь об одном прошу:

Будь моей надеждой!

МОЛИТВА НА ИМБОЛГ

Прежде начала была Звезда.
И кипело в Звезде той пламя творения:
И дышало пламя Воздухом,
А воздух оседал Влагой,
А во влаге закалялись Камни,
А из камней выходила всякая Плоть.

Ты, моя Богиня, суть Звезда:
Госпожа мастеров,
Вдохновение поэтов,
Наитие ищущих.

Сотворила Ты меня из стали,
Облекла меня в форму,
Придала мне остроту.

Но ныне, от слёз, сделался я ржавым.
Но ныне, от ударов, стал я ущербным.
Но ныне, от времени, затупилось моё лезвие.

Посему, молю: вновь пошли мне пламя своё,
И сокруши меня молотом,
И закали меня в молоке.

Богиня-Кузнец, пусть Тобой буду перекован,
Богиня-Поэт, пусть Тобой буду вдохновлен,
Богиня-Кормилица, пусть от Тебя получу новые силы!

Каким задумала меня Ты меня и породила,
Пусть таким и стану.

Нашей общею Волей,
Нашей единой Природой,
Да будет так!

ГИМН НА ОСТАРУ

Бог-Отрок, что в шлеме из меди с витыми рогами.
Бог-Воин, с копьем из луча восходящего солнца,
Бог-Странник, что стал у порога.

Что твой порог? Она.
Что ждёт тебя там? Она.
Что твоя участь? Она.

На возделанных Пашнях от семени Гроз проросло Твое тело,
Неудержимая Буря из чащ глубочайших Твой дух принесла.
И треснуло небо от грома хохота Твоего,
И пали на землю стены дождей, в тщетной попытке страсть
Твою потушить.

Так шагни за порог — к Ней.

Так шагни за порог и иди — как пожар, дабы сами безумцы
бросались в огонь.
Так шагни за порог и иди — как туман, дабы и величайшие из
мудрецов сбивались с пути.
Так шагни за порог и иди — как лавина с гор, и пусть жалко
звучат мольбы малодушных,
Тебя просящие путь сей окончить,
И избавить из от терпкого дара Твоего.

Но Ты — Лекарь Лекарей, и выжигаешь любые раны.
Но Ты — Милосерднее Милосердных, хоть и горька Твоя милость,
Но Ты Царь Царей, и сам себя накажет тот, кто отвергнет Твою
власть.
Ты — слаще Меда, Ты — горше Полыни, Ты — острее Стрелы.

Ныне Ты — Страсть во плоти.

Иди же, и пойду за Тобой
След в след.

ГИМН НА БЕЛЬТАЙН

Тебе пою, о Богиня, у которой тысяча имён,
Но забыл их все ныне.

И лишь одно имя в голове моей сидит как стрела,
Лишь одно в гортани застряло как кость,
Лишь одно с языка рвётся, как стон.

Имя Тебе — Любовь.

От крови Неба в бездне соленых Вод Ты была рождена,
И вышла на берег омытая пеной в сверкающий полдень.
И солнце застыло в зените ослепленное светом Твоим,
Красотою сраженное, не в силах было путь продолжать.
И сосны прибрежные к Твоим склонились стопам,
И птицы парящие хором запели гимн,
А те же, кому волей богов дана разумная речь —
Онемели от счастья,
Безмолвные рухнули ниц, как цветы под косой.

Ибо Ты — Палач Палачей, каждый сам склоняет голову под меч
Твой.

Ибо Ты — Воин Воинов, и каждый град сам для Тебя открывает
ворота.

Ибо Ты — Царица Цариц, и тысячи рук ежечасно поднимают
Тебя на щите.

Ты — дороже Жизни, Ты — желанней Пищи, Ты — страшнее Смерти.

Ты — Любовь.

МОЛИТВА НА ЛИТУ

Вот пришёл тот день — и почему дрожит мой голос?
Се вижу Тебя, мой Король, во славе,
В изумрудной робе,
И в деснице Твоей зелёная ветвь,
А в шуйце — череп.

Вот пришёл тот час — и почему не смею поднять лица?
Се вижу Тебя, мой Отец, на троне,
В багряном плаще,
И в деснице Твоей сосновый жезл,
А в шуйце — кинжал.

Вот пришёл тот миг — и почему как подломлены мои колени?
Се вижу Тебя, мой Бог, в зените,
Увенчанный златым пламенем,
И в деснице Твоей бронзовый торквес,
А в шуйце — змей.

Но пусть окрепнет мой голос,
Пусть взгляну я Тебе в лицо,
Пусть встану во весь рост,
Ибо ведомо мне:

Ты злат — но в сердце Твоём серебро,
Ты пламенеешь — но в сердце Твоём луна,
Ты суций владыка былого и грядущего,
Но в сердце Твоём — Она.

Ныне же славлю Бога своего, Хозяина мира!
И славлю Ту одну, кто Хозяйка над Ним!

Благословите, и будьте благословенны!

МОЛИТВА НА ЛАММАС

Дева золотых полей,
И косы чьи — как золото,
И золотой же серп.

Ты жнец — Он твой хлеб.
Ты жрица — Он твоя жертва.
Ты Богиня — Он твой Бог.

И молил бы о пощаде для Него,
И вняла бы Ты охотно моим мольбам,
Но Он не желает пощады.

Ибо Он — виноград,
Что сомнётся под стопой Твоей,
И истечёт соком, и утолит нашу жажду.

Ибо Он — колос,
Что будет срезан серпом Твоим,
И даст зерно, и насытит нас.

Ибо Он — наш Король,
И добровольно лег на жертвенник Твой,
И примем мы жертву, и урепит она наш дух.

Ныне узрим:
Кто был счастлив, отказался от счастья — ради большего.
Кто был силен, отказался от силы — ради большего.
Кто был жив, отказался от жизни — ради большего.

Молю же, Богиня!
Да не дрогнет Твоя десница,
Ибо и моя рука поддержит Твою,
Да остро будет Твоё лезвие,
Ибо и я готов его наточить,

Да крепко будет Твоё сердце,
Ибо и я разделю с Тобой это горе!

Должное — да свершится!

Нашей общею Волей,
Нашей единой Природой,
Да будет так!

МОЛИТВА НА МАБОН

Мой возлюбленный Господь, Бог-Скиталец,
Внемли словам спутника твоего,
Что ныне встал за спиной у Тебя,
Верный, как тень.

Здесь у ног Твоих вещая река,
Что течет из ниоткуда и в никуда,
Что в глубинах своих укроет всякую мысль,
Чьи воды бесплотны, как сон,
Но непроглядны, как забвение.

И вечнобезмолвный паромщик уже ждет нас,
И челн его быстрее удара сердца,
И шест его достанет до самого дна.

Там, за нашими спинами, мы оставили Твое царство:
Малахитовые леса, полные жизни,
Цветущие поля, полные чувства,
И свет с высоких небес, согревающий души.

А там, за рекой, ждет Тебя Она:
Та, что прекрасна как сияние над северным горизонтом,
Та, что холодна как дыхание остывших морей,
Та, что темна как луна в затмении.

И подобно молоку священных коров было бело Твое тело,
А днесь стать ему чёрным, как уголь во чреве земли.
И подобно весеннему грому звенела Твоя песня,
А днесь ей замолчать, как сломанная флейта,
И подобно багровой лаве была горяча Твоя кровь,
А днесь ей застыть, как стынет слеза на холодном ветру.

Наш жребий брошен,
Ты сделал свой выбор,
А я сделал свой.

Пришел час серпом золотым
Нам снять урожай наших дел.
Но знай же, мой Бог!
Там, во мраке, Она ждет Тебя.
Там, в пустоте, Она зовет Тебя.
Там, после смерти, Она будет с Тобой.

Так шагни же во тьму,
Так шагни же вперед!
А я пойду за тобой.
След в след.

МОЛИТВА НА САМАЙН

Добро пожаловать за Порог,
Добро пожаловать во Мрак,
Добро пожаловать, моя Богиня.

Есть только один путь — вниз,
Смирись, о Богиня, смирись!

И как же прекрасны Твои глаза,
Что даже безумнейшие из звезд,
Не решаются с ними спорить!
Но здесь, в Царстве Мёртвых, не на что смотреть.
Сомкни свои очи, и только тогда войдешь.

Есть только один путь — вниз,
Смирись, о Богиня, смирись!

И сколько же чувства и жизни в Твоем дыхании,
Ни полуденный бриз, ни всесокрушающая буря
Не могут дышать так!
Но здесь, в Царстве Мёртвых, нечем дышать.
Так перестань, и только тогда войдешь.

Есть только один путь — вниз,
Смирись, о Богиня, смирись!

И как же горяча страсть Твоего сердца,
Что и тысяча солнц слившись в одно,
Не будут пылать так!
Но здесь, в Царстве Мёртвых, нет места этому жару,
Так вели сердцу своему остыть, и только тогда войдешь.

Есть только один путь — вниз,
Смирись, о Богиня, смирись!

Но главное из сокровищ, что имеешь Ты,
Твой Возлюбленный, величайший из мужей,
Всего себя без остатка положил к стопам Твоим!
А сейчас Он здесь, в Царстве Мёртвых,
сам мертвец и Царь Мертвецов,
Так забудь того, кем Он был, и только тогда войдешь.

Есть только один путь — вниз,
Смирись, о Богиня, смирись!

И лишь тогда,
Как станешь слепая и бездыханная,
Пустая и бестелесная,
Ты увидишь Его вновь,
И познаешь Его сверху донизу,
В Его Свете, и Его Тьме,
Его Славе, и Его Скорби,
Его Живого, и Его Мёртвого.

И откроется Тебе последняя Тайна,
Что узнаешь лишь здесь:
Смерть — это новая Жизнь.
И тайну эту заберешь Ты с собой,
Выносишь во чреве своем
И родишь для мира.

И будет тогда для Тебя иной путь.
Вверх.

VII. О СВОБОДЕ, ЛЮБВИ И МУДРОСТИ

МОЛИТВА ТРИЕДИНОЙ БОГИНЕ О СВОБОДЕ, ЛЮБВИ И МУДРОСТИ

Се истина, что открылась мне: Дева, Мать и Старица — суть Одна.

Богиня, с ликом Девы, Тебя молю!
Вовек не знали покрывал волосы Твои,
Не сыщется в мире пут и оков, способных удержать Тебя,
Не видит дерзкий дух Твой пред собою преград.
Сейчас прошу Тебя, Богиня-Дева, научи меня свободе своей,
ибо Ты есть Свобода!

Богиня, с ликом Матери, Тебя молю!
Слаще меда и винограда нежность Твоя,
Дальше всех горизонтов простирается забота Твоя,
Жарче солнца и звезд сердце Твое.
Сейчас прошу Тебя, Богиня-Мать, научи меня любви своей,
ибо Ты есть Любовь!

Богиня, с ликом Старицы, Тебя молю!
Острее всех игл разум Твой,
Глубже океана понимание Твое,
Нет во вселенной тайны, сокрытой от Тебя.
Сейчас прошу тебя, Богиня-Старица, научи меня мудрости своей,
ибо Ты есть Мудрость!

Се истина, что открылась мне: Свобода, Любовь и Мудрость —
суть Одно.

VIII. О СМЕРТНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

ГИМН СЕМЕЛЕ

Блаженны глаза твои,
Ослепшие,
Лишь во славе Его узрели.

Дважды блаженна плоть твоя,
Сожженная,
Лишь коснулся Он тебя пламенем облаченный.

Трижды блаженно чрево твоё,
Разорванное,
От Бога — Бога породившее.

Славлю дерзость твою, дочь Кадма,
Ибо дерзостью ты возвысилась,
Славлю любовь твою, дочь Гармонии,
Ибо любовью ты чудо свершила,
Славлю гибель твою, Семела-Земля,
Ибо гибелью ты врата между Высью и Бездной открыла.

Бесплотную тенью в глубины Аида сошедшая,
Бессмертной богиней к миру вернулась!

Мукам твоим и моим
Радуюсь,
Смерти твоей и моей
Радуюсь,
Воскрешению твоему и мне обещанному
Радуюсь!

Колпино, 2015 — 2017 гг.

**ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
СО МНОЖЕСТВОМ
ГРАНЕЙ:**

● Ежемесячно
обновляемый эксклюзивными
переводами
сайт
WWW.CASTALIA.RU

● Еженедельно собирающийся
КЛУБ КАСТАЛИЯ,
где читаются лекции
о самых разных эзотерических
и психологических
традициях

● ШКОЛА КАСТАЛИЯ,
регулярно проводящая
открытые обучающие
лекции и семинары

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ
ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!**

ISBN 9785519604758

9 785519 604758